

INSPIRIA

ЭДВИН ХИЛЛ

ПРОПАВШИЕ

18+

INSPIRIA

Ток. Убийство по соседству

ЭДВИН ХИЛЛ

Пропавшие

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хилл Э.

Пропавшие / Э. Хилл — «Эксмо», 2019 — (Ток. Убийство по соседству)

ISBN 978-5-04-117433-0

Эстер забыла о своем детективном хобби. Хватит с нее загадок и преступлений. Забота о четырехлетней Кейт - достаточная ответственность в мире, полном ужасов. Однако, когда полночное сообщение вызывает ее на отдаленный остров, Эстер бросает все и отправляется в дорогу, в надежде найти там свою старую подругу. И сразу же оказывается втянута в расследование убийства, как то связанное с тем, что на острове пропадают дети. Теперь для Эстер главное - не потерять головы и Кейт... «Хилл - восходящая звезда в детективном жанре» - New York Journal "Впечатляет... Хилл умеет заставить испытывать сострадание к своим персонажам, вовлекая читателя в их в тёмные мысли и действия. Писатель, за творчеством которого стоит следить" — Publishers Weekly «Удивительно замысловатая тайна, которая с легкостью может увлечь читателей, ищущих нового любимого детектива». — Library Journal

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-117433-0

© Хилл Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

4 июля, День независимости	6
Понедельник, 23 сентября	12
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эдвин Хилл Пропавшие

Посвящается Дженифер

4 июля, День независимости Штат Мэн, остров Финистерре

Лидия жадно впивается в ролл с омаром, который купила в «Доке». Она ест так, будто голодала с воскресенья. Как будто в редкий перерыв хочет не подкрепиться, а провести время с Рори.

Так он себе воображает.

Уже давненько, наверное, с тех самых пор, как познакомился с Лидией – уж точно с тех, когда она еще не огорошила весь остров, выскочив за Трея, чужака, – Рори подумывает, каково было бы, если бы она хотела его так же сильно, как он ее. Рори представляет ее ласки, теплое дыхание в шею, шепот. Представляет, как просыпается утром и смотрит на нее, спящую рядом. Он репетировал признание в любви, а она в его мечтах отвечала, что и так все знает, что любит, нет, обожает его.

Однако умом Рори все понимает. Лидия давно, годы назад, записала его в категорию друзей. А может, и хуже, в братья.

– Этот обед стоил мне восемнадцати баксов, – жалуется Лидия. – Мэгги могла бы сделать скидку, но ладно уж, побалую себя. Праздник же. У всех, кроме местных, выходной. У меня, и то если повезет, на отдых десять минут.

Они не спеша отходят от старенького рестораника. Пот течет с них в три ручья. Капли смешиваются, наступает реакция.

Это часть ежедневного ритуала. Сперва Рори заходит к Лидии в пекарню. Встает в длинную очередь и ждет, пока она, заметив его, не принесет кофе: со льдом, без сливок, один пакетик сахара.

– Ты единственный из моих знакомых, кто пьет кофе со льдом и без сливок, – скажет она.

Рори похлопает себя по животу и ответит:

– За фигурой слежу.

Изо дня в день эти фразы не меняются.

Потом прогулка. Лидия покупает поздний завтрак. Рабочий день у нее примерно с четырех до десяти утра.

– Вот это вид, – говорит она.

На узких грунтовых тропинках острова Финистерре, что в восьми милях от побережья штата Мэн, не протолкнуться от туристов. Люди заглядывают в универмаг, в отель, поедают сахарную вату, размахивают флажками, радуются лету. Толпа очень плотная. Рори единственный коп, следящий за порядком на празднике, так что ему следует быть особенно начеку, но он смотрит, как взгляд Лидии скользит с толпы к бухте вдали. Глаза у нее того же цвета, что и море, что и небо, да и вообще все, что прекрасно. Интересно, ее когда-нибудь влекло к нему? Он высок и подтянут, любит думать о себе как о привлекательном мужчине, которого она просто не замечает.

– На вот, угощайся, – говорит Лидия. Она протягивает Рори ролл в бумажной обертке в красную полоску, придерживая его снизу ладошкой.

Принимать угощение не стоит, ведь разделить еду – это что-то да значит, но они делились едой – да и вообще всем – с детства. Рори жует, но во рту так сухо, что он едва ощущает сладковатый вкус мяса. Лидия понимает и видит его таким – правда видит, – каким не видит да и не видел никто.

– Этот кусок примерно доллара на четыре, – говорит она. – Гони монету.

Рори тянется к кошельку – нарочито медленно, чтобы показать, что шутку он понял. Лидия смеется. Смеется от души. Господи, как же хочется к ней прикоснуться. Рори хочет обнять ее и поцеловать на глазах у толпы.

– Ты только глянь, – говорит Лидия, мотнув головой в сторону универмага. От двери-сетки, сжимая в руке упаковку капкейков, пятится женщина. У нее сальные рыжие волосы и пустой взгляд.

– Я заплатила! – кричит она. – Иди к черту.

Рори моментально переходит в боевую готовность. Кладет руку на пояс и идет к магазину, загораживая собой Лидию. Наружу с метелкой в руке выходит Меррит, владелец. Он машет Рори и говорит:

– Все улажено. – Коротко, по делу.

– Вот-вот, улажено, – говорит рыжая, зло глядя на Рори. Разорвав упаковку, она махом съедает капкейк. Хочет уже показать средний палец, но, заметив Лидию, делает вид, будто машет рукой.

– Привет, – говорит Лидия, вяло махнув ей в ответ.

– Загляну к тебе завтра?

– Отлично, – отвечает Лидия и провожает ее взглядом.

– Знакомая? – спрашивает Рори, когда рыжая убегает.

– Да, отирается тут, – говорит Лидия. – Живет в викторианском особняке, с остальным сбродом. Раз в пару дней навевывается в пекарню, берет кофе, платит мелочью, которую, поди, выклянчила, потом вбухивает в стакан побольше сливок и сахара и кланчит работу. Будь я человечнее, дала бы ей шанс.

– Наркоманам шансов давать нельзя, – предупреждает Рори, – а то вещи начнут пропадать.

Летом, может, и наплыв туристов, но вместе с обычными людьми приходят издалека и те, кто желает исчезнуть. Финистерре хоть и маленький, но в нем куча местечек, где можно спрятаться. Взять тот же полуразрушенный викторианский дом на другой стороне острова, где прошлой осенью Рори наткнулся на нарика с передозом. К тому времени труп успели поддеть еноты.

– Как ее зовут? – спрашивает он.

– Не помню. Аннабель вроде бы. Или Энни. Как бы там ни было, тот дом надо снести.

– С этим обращайся к мужу.

О том, что творится в особняке, Рори уже докладывал – и в полицию штата, и Трею, мужу Лидии, детективу полиции, – но никто ничего так и не предпринял. Вот сдаст Рори в следующем месяце государственный экзамен, тогда, может, к нему станут прислушиваться.

– Мне пора возвращаться, – сообщает Лидия.

Очередь в пекарне все еще тянется до самой улицы, но Рори ныряет в тени под кленом, лишь бы побыть с Лидией еще немного. Даже тут жара изнуряет. По груди Лидии, впитываясь в розовую блузку, стекает капелька пота. Рори закрывает глаза, лишь бы не пялиться, но любой, кто взглянет на них сейчас, сообразит, как сильно он любит Лидию. Она и сама наверняка это знает. Рори переводит взгляд на компанию девчушек в облегающих футболочках и джинсах.

– На что уставился? – одергивает его Лидия. – Не хватало еще, чтобы тебя за извращенца приняли.

Рори бормочет извинения.

– В наше время так не одевались, скажи? – спрашивает Лидия. Им обоим лишь немного за тридцать, но возраст уже сказывается. Воспоминания о бурной юности постепенно тают в тумане сожалений.

– Я уж точно, – отвечает Рори.

– Да уж конечно! Я бы заплатила, лишь бы глянуть!

Лидия снова смеется, и Рори тоже. Такая выходка не прошла бы незамеченной, но ради Лидии он бы рискнул.

Она показывает коричневый бумажный пакет, который прихватила вместе с роллом.

– Никакой тары, – говорит Рори. – Только не на Четвертое июля.

Лидия куксится, прикусив нижнюю губу. Не видит ли Рори чего-то лишнего в этом жесте?

Он отворачивается, а Лидия, сперва приложив бутылку пива ко лбу, делает из нее большой глоток и протягивает ему. Как она держится? Делает вид, что эта связь между ними не рвет ей сердце, а сама приходит домой после работы и застывает на пять минут (или часов?) посреди кухни, думая о нем и приходя в себя лишь под надрывный вой пожарной сигнализации, потому что от пиццы в микроволновке остались одни угольки? Но если все так, если ей больно, то зачем эти прогулки в обед? Зачем так себя изводить?

Лидия касается руки Рори, и он вздрагивает, как от ожога. Это новый шрам в коллекции воображаемых ран, что остались за годы от ее прикосновений. Лидия убирает со лба прядку темных волос. Невинный вроде бы жест, но для Рори он многое значит. А не значил бы, Рори давно бы ушел. Лидия тем временем повязывает фартук и собирает волосы в хвост.

– Нормально выгляжу?

Гораздо лучше, чем просто «нормально».

– Сойдет, – вслух говорит Рори.

– Да ну тебя. Эти летние приезжие... южане хреновы¹. Хорошо хоть, прибыль приносят.

Ладно, осталось всего два месяца потерпеть, да?

Отойдя на несколько шагов, Лидия оборачивается и идет дальше вперед спиной. Ветерок треплет ее волосы.

– Найди Оливера, – просит она.

Услышав имя ее сына, Рори улыбается.

– Принеси ему червячка. Она сейчас жуками увлекается. И еще ему нравишься ты. Оливер считает тебя крутым.

– Все дело в форме, – отвечает Рори.

– Нет, не только в ней.

– А где он?

– С Треем.

После этого она уходит окончательно – махнув рукой, исчезает в толпе, а имя Трея повисает в воздухе, как дурной запах. Рори ловит себя на том, что смотрит вслед Лидии слишком долго. Очнувшись, он уходит. В душе у него – пустота. Толпа инстинктивно расходится, уступая дорогу. При виде Рори счастливые лица на миг омрачаются. Люди спешно прячут пиво, но Рори уже привык к этому. Он всегда чужой на праздниках, наблюдатель. Следит и прикидывает, кто есть кто, за кем нужно приглядеть, кто может быть опасен. Выражение его лица смягчается. Рори напоминает себе, что он – заместитель шерифа Рори Данбар, из островного патруля – должен сливаться с фоном. Рация оживает. Сообщили, что приближается паром. Надо бы на причал, встретить его.

Ба-бах!

Рори вздрагивает. Какой-то спиногрыз у него за спиной взорвал петарду. Рори опомниться не успеваешь, как уже держит пацана за плечи и трясет, объясняя, мол, выкинешь еще раз подобный фокус, и куковать тебе ночь в кутузке. Лицо у него горит, пылает жарче солнца. Изо рта летят брызги слюны. Мальчишка принимается реветь: слезы, сопли, все дела, – а Рори мысленно желает ему никогда не познать, как тяжело порой живется, как много еще разочарований впереди.

– Больше так не делай, – говорит он под конец.

---

¹ Жители юга штата Массачусетс. – Здесь и далее прим. переводчика.

Папан стремглав бежит прочь.

Кто-то отворачивается, боясь посмотреть Рори в глаза. Ну а кто-то снял все на сотовый. Черт с ними.

Вот-вот начнется парад. Он пойдет вдоль узких тропок острова. Будут бойскауты, местный джаз-банд и клуб пеших туристов. Ночью, после представления, фейерверки окрасят воду в бухте вспышками красного, белого, синего и золотого; зрители выстроятся на пирсе, а немногие счастливики станут смотреть из лодок на воде. У Рори лодка есть, и хотя сегодня ему работать весь вечер, хочется только быть с Лидией: они на палубе, разгоряченные в знойную летнюю ночь, но страсть заставляет их жаться друг к другу. Они бы смотрели, как фейерверки пронизывают черное небо и, шипя, сгорают. Рори слушал бы дыхание Лидии, ее голос, гладил бы ее вьющиеся пряди. Потом раздел бы ее, и она отдалась бы ему с той же страстью, какую он питает к ней. Они бы оставались на воде всю ночь, и лодка качалась бы на приливных волнах еще долго после окончания фейерверка.

– Где тут туалет?

Рори встряхивает головой, прогоняя грезы. Перед ним, держа за руку девочку, стоит мужчина в коралловых шортах и рубашке в мелкую клеточку. И откуда у банкиров такое пристрастие к розовым шортам? Девочка нетерпеливо дергает мужчину за рукав, но, кроме Рори, проблему никто не решит – он единственный помощник шерифа на празднике.

– Вам прямо вон по той тропинке и потом налево.

Тут-то он и замечает Оливера, сына Лидии, на обочине тропинки у школы. Мальчик, задрав голову, смотрит, как в сторону Атлантики улетает красный шарик. Отчего-то жителям острова кажется, что им ничто не грозит. Что они создали мир, в котором время остановилось и где хорошим людям ничего не страшно. Жаль, но это не так. Даже в Мэне, даже на клочке суши посреди огромного океана маленький мальчик сам по себе – это непорядок.

– Оливер! – зовет Рори.

Лицо мальчика озаряется улыбкой. Он вытягивает руку, и Рори дает ему пять.

– На что смотришь, приятель?

– Шагик, – отвечает Оливер, радостный и одновременно готовый расплакаться.

– А папа где?

Оливер пожимает плечами.

Рори озирается в поисках Трея, которому полагается быть тут, с сыном. Трей и прежде оставлял Оливера без присмотра, но не в такой же день, когда кругом столько чужаков и так велик шанс потерять мальчика. Надо бы рассказать Лидии. Она непременно должна все знать.

– Может, купим тебе новый? – предлагает Рори. – Заодно и папу твоего поищем. Где вы последний раз виделись?

– Низаю, – отвечает Оливер и бросается вперед.

Рори бежит следом. В бухте тем временем паром, пытая, огибает крошечный необитаемый остров Боумана. Рори надо в порт, чтобы встретить судно, это часть его обязанностей. Догнав Оливера, он подхватывает мальчика на руки.

– Посмотрим, как корабль заходит в порт, – говорит он. – Вместе. Может, даже Пит пустит тебя на палубу.

Пит – брат Рори и капитан парома. Они вместе живут на краю городка. Рори берет Оливера за руку, и вместе они встают на самый край пирса лицом к воде. Вокруг собираются люди. Паром из Бутбей-Харбор приходит дважды в день, доставляя новую толпу и забирая старую. Сегодня, даже со своего места, Рори видно, как на верхней палубе сгрудились пассажиры, приехавшие на экскурсию. Обратный рейс – в четыре часа, и если кто на него не успеет, то застрянет здесь до утра, свалившись на голову Рори.

– Какого черта?

Обернувшись, Рори видит Трея. Трей высокий и щеголеватый, у него густые темные волосы с длинной челкой. Он совсем не похож на полицейского, а выглядит, скорее, как большинство местных – будто только с регаты.

– Теперь ты решил похитить у меня сына? – спрашивает Трей и тянется за Оливером, но тот вжимается в ногу Рори.

– Ты его бросил, – напоминает помощник шерифа.

– По нужде отошел. Выхожу, а тут сюрприз – сына нет. Я эти пять минут места себе не находил.

Трей разговаривает с Рори как с прислугой или того хуже, будто они не знакомы. Ему каким-то образом удается внушить Рори чувство вины; приходится напомнить себе, что это Трей бросил четырехлетнего мальчика без присмотра. Хороший же из Рори был полицейский, если бы он пустил такую ситуацию на самотек.

– Не смей растрепать об этом Лидии, – предупреждает Трей. – Все равно не получишь того, чего хочешь.

– Да? И чего же я хочу?

Трей ухмыляется краешком рта.

– Мы оба знаем ответ. Его все на острове знают. И Лидия тоже.

Рори заливается краской. Ему сто́ит огромных сил не отвести взгляд. Ответить он, правда, не смеет – голос выдаст его.

– А еще я слышал, что ты подал заявку на госэкзамен, – говорит Трей. – Снова. Третий раз уже, да? Заруби себе на носу: чтобы стать полицейским, нужно уметь оценивать ситуацию. Нельзя вот так взять и уйти с чужим ребенком.

Оливер тычет пальцем в небо.

– Чего тебе? – резко спрашивает Трей.

– Шагик, – говорит Оливер.

– Чего ты как маленький? Это же ты его упустил, да? Я же говорил: держи крепко.

На пирсе в этот момент раздается крик:

– Бегите!

Рори резко оборачивается: паром, не сбавляя скорости, идет прямо на них. На борту какая-то девушка из палубной команды продирается через толпу в сторону мостика. На Рори прет сплошная стена людей, и в этой суматохе он упускает из виду Трея. Зато удается поймать за руку Оливера и посадить его себе на плечи. Рори относит мальчика к столбу возле «Дока», подальше от толпы и от пирса.

– Держись за столб обеими руками, – велит он. – Не сходи с места. Ни на дюйм.

Затем он, размахивая руками, бежит вперед, прямо в толпу.

– Назад, – кричит он. – Бегите!

Люди орут. На их лицах паника. Чужаки смешались с давними друзьями, которых Рори знает всю жизнь. Паром несется прямо на пирс. Остается каких-то шестьдесят ярдов, пятьдесят, сорок, но в последний миг двигатели дают задний ход, и судно замедляется. Мучительно подходит к сваям причала и, едва не столкнувшись с ними, начинает пятиться.

Рори закрывает глаза и делает первый за последние минут, наверное, пять выдох. Оборачивается к толпе.

– Обошлось! – кричит он. – Успокойтесь.

Рядом возникает Трей.

– Не твой ли брат капитаном на пароме? – спрашивает он.

– Сам знаешь, что он.

Рори снимает с пояса рацию и вызывает паром. Отвечает один из членов палубной команды, вроде бы та девчонка.

– Дай-ка мне Пита, – кричит в рацию Рори.

– Не выйдет, – говорит та.

– Это почему?

– Он обдолбался.

– Чем?

– Без понятия.

Стараясь не глядеть на Трея, Рори опускает рацию. Тут кто-то хватается за руку. Это Лидия. Взгляд у нее безумный.

– Где Оливер? – спрашивает она.

Видимо, слух о едва миновавшей катастрофе достиг уже и пекарни.

– Все хорошо, – говорит Рори. – С Оливером ничего не случилось. Он там.

– Где?

– Вон там, – говорит Рори, указывая в сторону «Дока», где оставил Оливера, где велел ему ждать, не сходя с места.

Только мальчика там уже нет.

Понедельник, 23 сентября

Глава 1

Эстер Терсби сунула пакетик, полный крекеров, в рюкзачок племянницы Кейт с принцессами. Сегодня, говорила она себе, все будет иначе.

– Сегодня все будет иначе, – сказала она своему отражению в зеркале в парадной двери дома в Сомервилле, что в штате Массачусетс. Затем повторила это раз девять, для уверенности.

Кейт спихнула миску с хлопьями с салфетки на кухонном острове в мойку и прыгнула с барного табурета. При виде этого маневра Эстер по-прежнему замирала в страхе, опасаясь, как бы племянница не упала и не раскроила себе череп. Однако в августе Кейт исполнилось четыре года, она – наконец-то! – научилась использовать местоимения и настаивала на том, чтобы сидеть за столом, как большая девочка. А еще научилась считать до ста, сменила любимый цвет с розового на зеленый и перестала быть пухляшкой-милашкой. Она вытянулась, и Эстер это не сильно нравилось, но время ведь идет.

День при любом раскладе должен был пройти хорошо. Сегодня исполнялось тридцать семь лет не совсем мужу, но уже и не просто бойфренду Эстер, Моргану. А день рождения Моргана – это и день рождения его сестры-близнеца Дафны, по совместительству матери Кейт и лучшей подруги Эстер. Ровно год назад они праздновали тридцать шестой день рождения Моргана и, вернувшись домой, обнаружили, что Дафна, которая ушла с вечеринки пораньше, исчезла из города. Она только оставила клейкий листочек с запиской на пижамке спящей Кейт: «Вернусь через час, самое большое». С тех пор она прислала парочку электронных писем, но больше о ней не было ни слуху ни духу, и Эстер с Морганом – главным образом, конечно же, Эстер – приходилось растить Кейт самим. В заботах о ребенке минул год, и Эстер осознала, что с ужасом ожидает дня, когда Дафна все же вернется и нарушит устоявшийся порядок. Большую часть времени она, правда, старательно убеждала себя, что сильно ничего не изменится.

Хотя на самом деле это, конечно, не так.

Эстер выключила радио. Всю неделю в новостях только и говорили что об урагане, принесшем разрушения на западное побережье Карибских островов. Теперь вот, ближе к вечеру, то, что от него осталось, обещало пройти по Новой Англии.

Эстер осмотрела кухню и гостиную, проверяя, не забыла ли чего. Из мойки чуть не вываливались немытые тарелки, на полу лежали детские и собачьи игрушки. Ладно, порядок можно и потом навести. Морган утром взял машину, поэтому, чтобы успеть с Кейт в садик, нужно было сесть на автобус от Юнион-сквер до Портер-сквер. Потом Эстер прыгнет в вагон метро до Гарвард-сквер и, если повезет, окажется на рабочем месте за стойкой библиотеки Уайденера ровно через – она снова сверилась с часами на сотовом – двадцать одну минуту. Закинув сумку на плечо, она придержала дверь на лестницу для Кейт.

– А мы куда? – спросила четырехлетка.

– В садик, – как можно веселее ответила Эстер и приготовилась к ответной реакции.

Кейт, как по команде, скукожила, словно резиновую, мордашку и, сложившись пополам, упала на пол.

– Не хосю, – завопила кроха, цепляясь за перила лестницы.

– Ой, да ладно тебе, – сказала Эстер. – А куда мы еще, по-твоему, собирались? Ну же, ну, идем.

Автобус будет на остановке через три минуты, а следующего ждать еще двадцать.

Племянница уже орала в голос, а значит, уговаривать ее стало бесполезно. Если она что втемяшит себе в голову, поможет только грубая сила. Эстер рывком подняла ревущую Кейт

с пола и, на каждом шагу отрывая ее пальцы от перил, стараясь не уронить сумку и рюкзак с принцессами, пошла вниз. У порога Кейт руками и ногами уперлась в дверную раму, но Эстер кое-как прорвалась на крыльцо. Оказавшись на тротуаре, она бегом припустила в конец улицы: сумки съезжали с руки, очки – на нос, а «хвост» чуть не распустился. На остановке Эстер с невинным видом встала среди других пассажиров, в то время как Кейт вопила. Соседи старательно упирали взгляд в экраны телефонов. Почти всех из них Эстер знала в лицо, если не по имени. После такой сцены кто-то наверняка да позвонит в органы опеки.

Но вот из-за угла наконец вырулил автобус, и водитель, остановившись и открыв двери, поздоровался:

– Ну привет, маленькая мисси.

Кейт сразу же просияла, как будто последние пять минут ничего не происходило, а сердце Эстер, несмотря ни на что, исполнилось любви к этому ребенку.

– Идеальный малыш, – похвалил водитель, пока Эстер искала проездной. – Мне бы такого.

– Мне бы тоже, – ответила Эстер, пробираясь в дальнюю часть салона, где они встали, держась за поручень. Кейт принялась болтать на весь салон: громко перечисляла свои любимые блюда («КУЙИНОЕ ФИЛЕ С УККОЛОЙ») и, конечно, свои не любимые («ФИКАДЕЛЬКИ И АПЕЛЬСИНОВЫЙ МАЙМЕЛАД»), а заодно имена своих плюшевых игрушек и планы стать принцессой, врачом, учителем, ветеринаром, работницей бензоколонки («БЕНЗИН ВКУСНО ПАХНЕТ»), полицейским и шеф-поваром.

– А библиотекарем не хочешь? – спросила Эстер.

Кейт покачала головой:

– Не-а.

– Ясное дело.

Вскоре автобус остановился на Портер-сквер, и все вышли. Эстер взяла Кейт за ручку и поспешила через разделительную полосу, пробежала через парковку, мимо «Портер-сквер букс» и дальше по Массачусетс-авеню. Дóма, с таким бардаком, у нее не было и секунды, чтобы остановиться и прислушаться к себе, зато сейчас, несясь мимо «Данкин», она старательно давила в себе мысли, не обращая внимания на то, что происходит внутри: участилось сердцебиение, стало не хватать воздуха, а идея, пустившая корни в уме, из крохотного семечка превратилась в росток, распустилась и уже захватила воображение, сметая с пути все, любой рассудочный довод.

Буря.

Она приближается.

Разыграется уже сегодня.

Синоптики обещали пять дюймов осадков.

Побережье затопит. Ураганным ветром оборвет провода. Оставайтесь дома, предупредил ведущий прогноза погоды. Пораньше уйдите с работы. Избегайте вождения. Не затевайте ничего.

Ураганы ведь меняют курс. Иногда уходят в сторону. А бывает, и ускоряются. Вдруг этот налетит раньше времени? Вдруг Кембридж и Сомервилл затопит и Эстер не сумеет попасть из библиотеки в садик? Она вспомнила кадры из Хьюстона, когда на город обрушился ураган «Харви»: люди брели по грудь в воде, усадив детей и животных в каноэ. В отчаянии. Черт, вот каноэ-то у Эстер как раз и нет.

Хватит!

Она приказала мозгу отключиться.

Неужели все повторяется?

Эстер замедлила шаги. Впереди виднелся устрашающий знак садика: яркий, собранный из деревянных кирпичиков, – под которым прочие родители уже целовали детей на прощание

и бежали по делам. Хотя какая из Эстер мать? Она только тетя. Да и не тетя даже, они ведь с Морганом не женаты. Непрошенный гость. С ней и полиция-то, наверное, общаться не станет, если Кейт вдруг потеряется.

Вот и еще одна навязчивая тревожная мысль.

У ворот, встречая припозднившихся, стояла воспитательница. Точнее, даже сама заведующая, средних лет, плотного телосложения, опытная; за годы работы с четырехлетками голос у нее сделался тонким, как у ребенка. Как там ее? Мисс Мишелл?

– Мисс Микаэла! – позвала Кейт и чуть не вырвалась навстречу воспитательнице. Эстер все же ее не пустила.

А надо бы. Ей пора на работу.

Мисс Микаэла опустила на корточки, и Эстер с огромным трудом удержала себя, чтобы не подхватить Кейт и не броситься с ней наутек. Она отпустила племянницу, и та побежала, энергично работая ручками-ножками. Эстер начала задыхаться.

– Мы, кажется, не сможем остаться, – произнесла она.

Внутри детишки уже расселись на стульчики за столиками, на которых уже ждали материалы для маленьких поделок. По классу бдительно расхаживали воспитательницы, поддерживая порядок. Вот только защиту Кейт Эстер никому не доверила бы. Никто, как Эстер, не сумеет с Кейт убежать, спрятаться или драться за девочку. Кругом слишком много опасностей. Мир – страшное, пугающее место, в котором случаются ужасные, ужасные вещи. Где угодно. С кем угодно. Эстер потянулась к Кейт, а на глаза у той уже наворачивались слезы.

– Она простужена, – сказала Эстер.

Девочка вцепилась в ногу мисс Микаэлы.

– Ничего страшного, – ответила воспитательница. – Проходите, оставайтесь до вечера.

Эстер подхватила племянницу на руки.

– Может, все-таки перестанете? – спросила ее мисс Микаэла.

– Глупости, – ответила Эстер. – Завтра придем. После бури.

Прижав к себе хнычущую Кейт, она пошла прочь.

Свернув за угол, Эстер рухнула на первую же скамейку. Достала сотовый и набрала Кевина, сообщила, что на работу не придет.

– Завтра тебя ждать? – спросил Кевин.

– Непременно.

Кевин вздохнул, повисла пауза. Эстер даже успела понадеяться, что его терпению пришел конец и ее наконец уволят. Однако за эти несколько недель Кевин доказал, что его колодец щедрости поистине бездонен.

– Тогда до встречи, – попрощался он.

Сгорая со стыда, Эстер нажала отбой. Взглянула на Кейт – та молча хныкала, посасывая пальчик, – и у нее чуть не разорвалось сердце. Эстер прекрасно видела себя со стороны, понимала, как выглядит ее поведение для окружающих. Кейт, само собой, эти спектакли надоели. Ей надоело мотаться на автобусе в садик только лишь за тем, чтобы сразу же вернуться домой. Да и кому бы такое понравилось?

И буря тут совершенно ни при чем. Все дело в событиях минувшей зимы: похищение, холод, поездка в багажнике, темнота, вечное покальвание в обмороженном мизинце. Дело было в том, как тогда рисковала сама Эстер и какой опасности подвергла Кейт.

– Крекер хочешь? – предложила она племяннице.

– Нет!

– Если перестанешь плакать, я куплю тебе мороженое.

Слезы моментально прекратились, будто перекрыли кран.

– Прямо на завтъяк?

– Я бы и сама рожок съела. Поедем к Кристине.

А вообще, не помешал бы виски.

– Только пообещай мне кое-что, – предупредила Эстер.

– Не говойить нисего дяде Мойгану, – подсказала Кейт.

Девочка росла слишком уж сообразительной и сейчас говорила все верно: Морган понятия не имел о том, что творится. Эстер чудом удавалось скрывать, что с начала августа она не работает, а Кейт не посещает занятия. Вместо новых табелей успеваемости Эстер показывала прошлогодние. Выдумывала истории о том, как ее достали студенты Гарварда, интересующиеся историей сериала «Различные ходы»². Поразительно, как просто давался обман, как легко получалось поддерживать небольшие выдумки. Однако Эстер знала, что когда построенная из них башня рухнет, то получится зрелищно и безобразно.

Какого дьявола, когда она успела сойти с ума?

– Завтра все будет по-другому, – пообещала она Кейт. – Честное слово.

– Хосю сандей.

– Не вопрос.

– С зефийками.

Ну, зато ребенок научился извлекать пользу из плохой ситуации.

– Все, что пожелаешь.

---

² Оригинал. «Diff'rent Strokes», американский телесериал о миллионере с Манхэттена, которому волей судьбы приходится воспитывать родную дочь и заодно детей своей умершей темнокожей экономки.

Глава 2

– Не убегай! – пронзительно прокричала Оливеру Лидия.

Четырехлетний мальчишка ломился через толпу гостей, которым не терпелось до начала бури убраться с острова на последнем пароме. Что бы там ни происходило, от обязанности следить за порядком Рори никто не освобождал.

А еще он чувствовал на себе взгляд Лидии.

В душном, не по сезону жарком зале она бегала с холодным кофе и пончиками на подносе; волосы наспех собраны в узел, на поясе – фартук. Последние два с половиной месяца, с тех пор как на Четвертое июля, спустя долгие часы отчаянных поисков, Рори нашел-таки Оливера спящим на борту яхты на приколе, между ним и Лидией установилось неловкое молчание. А ведь он вроде как герой. Ее герой. Но не прошло и нескольких часов после находки, как поползли слухи: мол, Рори сам похитил и спрятал мальчишку, намереваясь впечатлить Трея и пробиться в полицию штата, или же потому, что боготворил Лидию – это же видно с первого взгляда, – или просто потому, что Рори – жалкий неудачник, как и его брат Пит, чуть не угробивший полгорода, когда, обдолбанный оксикодоном, едва не врезался на пароме в пирс. Жители острова, которых Рори знал всю жизнь, придумали эти слухи и превратили их в убедительную правду.

После Дня независимости Рори с Лидией не общался. Он не знал, во что верила она, и сколько бы ни искал источник сплетен, они не прекращались все лето.

Пройдя мимо Лидии в каких-то двух шагах, Рори на нее даже не взглянул. Не обратил внимания на то, как она вяло махнула ему рукой. Зачем подогрывать это пламя? Ему ничего не светит, да и не светило, наверное, никогда, как бы сильно он ни желал Лидию все эти годы.

Рори глянул на часы: паром пришвартуется через сорок пять минут. Времени хватит еще раз обойти остров и вернуться на причал. К тому же надо проверить, не припозднился ли кто. Рори уже собрался уходить, когда Лидия остановила его:

– Я тебя почти все лето не видела.

– Так ведь сезон, дел по горло, – ответил Рори, переминаясь с ноги на ногу и заново переживая чувство из детства, когда они с Лидией проводили лето вместе, исследуя закоулки острова. – И у меня, и у тебя, – добавил он.

– Сезон закончился, – заметила Лидия. – Гости уезжают. Может, получится выкроить время и кое-что прояснить? Может, ты сможешь кое с чем мне помочь.

– Если надо что-то починить, проси мужа, – посоветовал Рори.

Он вышел, сел в джип, хлопнув дверью, и поехал прочь, оглябая небольшие группы людей с тачками и чемоданами на колесиках. Те шли к пирсу через «городок», состоявший из грунтовой дороги, вдоль которой располагалось несколько лавок, пригоршня отелей и ресторанов. Все они, кроме разве что универмага, сразу после Дня Колумба закроются. Остров Финистерре находился в юрисдикции полиции Бутбей-Харбор, но имел и собственное отделение, в котором Рори и служил. Рабочий график у него был такой: сутки дежурство, сутки выходной, сутки дежурство и потом пять дней выходных. Помощники шерифа по большей части приезжали сюда на работу с материка, и только Рори, выросший на острове, покидал его лишь однажды – когда на два года поехал учиться в колледж. Сегодня все минувшие четыре часа смены он посвятил рутинным делам, принял два вызова – один по поводу собаки Боско, которая на привязи почти не сидела и забежала на чужую территорию, и второй – по поводу разбушевавшегося костра, который к его приезду все равно успели погасить. Не надвигайся на остров буря, день был бы самым что ни на есть обычным.

Рори утопил педаль газа в пол и, промчавшись мимо гостиницы Лидии с цветником из многолетних растений и крохотной пекарней «Пончики и пирог», вырвался за пределы города.

Въехал на холм, с которого открывался вид на Атлантический океан, и спустился мимо пивоварни к поворотному мосту, связывающему Большой Финистерре (Большой Эф) и Малый Финистерре (Малый Эф). Управляли мостом при помощи ручной лебедки, и в разомкнутом виде он висел параллельно расселине, так что по ней свободно проходили суда. Сейчас мост как раз был разомкнут, а значит, те, кто застрял на Малом Эфе, на паром не успеют. Рори ударил по тормозам и выскочил из машины.

– Гас! – закричал он, взглядом ища сгорбленного старика оператора.

Гас не ответил, и тогда Рори побежал к маленькой красной будке, где Гас, оказалось, сидит и слушает прогноз погоды на древнем бумбоксе.

– Ну же, Гас, – обратился к нему Рори. – Там люди хотят до бури уехать.

– Не будет никакой бури, – отозвался Гас.

– Я бы на это не рассчитывал. И вообще, через полчаса паром придет.

– Я чувю, когда буря близится. Колено ноет.

Колено. Как и всякий доисторический ловец омаров, топчущий землю Финистерре, Гас утверждал, что суставы не врут и точно предсказывают погоду. Вот только Рори не поставил бы на его колено против официального штормового предупреждения.

– Там уже очередь на пирсе.

– Материковые, – проговорил Гас. – С ними жить невозможно. Без них даже лучше.

– Наведи мост! И не убирай.

– Вот сам и наводи, – проворчал Гас, прибавляя на радио громкость. – И вообще, поговори с Лидией, – добавил он. – Она в то, что люди про Оливера и про тебя болтают, не верит.

– Ну-ну.

Что бы там народ ни говорил, Рори знал правду. Он ясно помнил злополучную ночь. Когда солнце зашло, он забрался на борт той яхты и заметил, что брезент в одном месте отогнут. Потянул за край – завязки легко отошли – и увидел ногу Оливера. Чего он только не передумал, когда стягивал брезент и прижимал к себе спящего Оливера. Потом прислушался: жив ли мальчик? – и услышал его тихое дыхание.

– Я нашел тебя, парень, – прошептал Рори, уже гордясь добрым делом. – Ты в безопасности.

Он сразу же позвонил Лидии, спеша первым сообщить добрую новость. Слышно было, как она, уронив сотовый, побежала. К нему. Затем он по рации сообщил новость в штаб и на заднем фоне услышал, как ликуют люди. Рори ждал, оставаясь на борту раскачивающейся на мелких волнах лодки. Держа на руках Оливера. Он ждал награды, как герой, ждал, что Лидия взглянет на него так же, как он всегда смотрел на нее.

И она выбежала из темноты на пирс, забрала Оливера и поцеловала Рори, крепко обняла его, обливаясь слезами радости. Он поцеловал ее в ответ, прижав к себе, не желая больше отпускать. А потом сам не заметил, как произнес: «Я люблю тебя. Больше всех на свете. Я очень, очень люблю тебя». Такие слова назад не возьмешь.

Лидия спала с лица.

– Давай не сейчас, – ответила она, и в это время навалила обрадованная толпа. Все решили отпраздновать, запустили салют. Тот самый, который из-за поисков сперва отменили. Заиграл джаз-банд. По всему пирсу люди принялись танцевать.

Даже Трей в ту ночь поздравил Рори. В матюгальник, не меньше:

– Давайте поаплодируем помощнику шерифа, нашему герою! – произнес он. Лидия держала Трея за руку, а на плече у него спал Оливер.

Толпа ликовала, а Лидия все прятала взгляд. И уже на следующий день пошла молва. Сперва тихая, мол, Рори сам усыпил Оливера таблеткой снотворного; потом, пока никто не видел, спрятал его на лодке и в одиночку побежал обыскивать ее, желая прослыть героем. К тому времени, как слухи дошли до самого Рори, они превратились в полноценную, правдо-

подобную историю, хотя все своими глазами видели, как Рори метался по пристани, отгоняя толпу. Все видели, как он исполнял служебные обязанности, и были рядом с ним на пирсе. Однако ход событий постепенно приобрел иной оборот, воспоминания менялись, и вот уже кто-то видел, как Рори под шумок убежал, уводя за руку Оливера.

– Не было такого, – ответил Рори первый раз, как услышал сплетни, но, отрицая их, он лишь убеждал всех в обратном.

– Это не твое дело, Гас, – произнес он смотрящему. – Больше не вздумай убирать мост.

Вернувшись на дорогу, Рори крутил лебедку до тех пор, пока зеленый мост с металлическим лязгом не встал на место. Мост, по которому едва мог проехать джип, соединял два отвесных утеса, у основания которых шумел быстроводный канал. Проезжая на другой берег, Рори едва удержался, чтобы не показать Гасу средний палец.

Малый Эф, занимавший площадь вдвое меньше Большого, примерно одну квадратную милю, представлял собой почти идеальный круг поросшего лесом гранита, на котором не было ничего, кроме тропинок, коттеджей и пляжей. «Городок» сюда еще не дотянулся. Местный порядок не допускал на Малый Эф машины, кроме разве что редкого обслуживающего транспорта, поэтому единственная небольшая дорога на этом клочке земли не знала колес крупнее, чем от тачки. Рори старался вести осторожнее, петляя между деревьями и береговой линией. Гости по большей части, особенно те, кто навевался на остров в конце сезона, знали, как тут заведено, и Рори махал рукой, проезжая мимо весело бредущих своим ходом к парому людей.

Где-то на полпути, с подветренной стороны острова деревья расступились, открыв вид на берег, покрытый водорослями и приливными лужами. Примерно в четверти мили от дороги на каменном кругу стоял красно-белый маяк: отлив обнажил песчаный перешеек, соединяющий его с берегом, но скоро море снова поглотит его. Маяк построили на рубеже восемнадцатого века, и он тут же стал излюбленной натурой пейзажистов, мелькая на сотнях, если не тысячах полотен, от шедевров до откровенно любительской мазни. Как и почти все маяки, этот вот уже несколько десятков лет назад автоматизировали, и с тех пор сама башня, как и пристройка смотрящего, пустовала.

Сегодня, несмотря на бурю, за мольбертами стояли по меньшей мере шесть художников – они стремились запечатлеть темнеющее небо и кипящее море. Рори покинул салон и какое-то время понаблюдал за ними. Потом взял с приборной панели микрофон громкоговорителя и прогудел в него, мол, паром отходит ровно через двадцать пять минут.

– До бури другого не будет, – добавил он, глядя, как художники хватают вещи и разбегаются.

Некоторых жизнь ничему не учит. Каждый день повторяется одно и то же, даже если не надвигается буря. Паром приходит, паром уходит. Кто-то успевает, кто-то нет. А Рори, что бы ни произошло, приходится разбираться. Какое-то время он смотрел на море, пытаясь прогнать мысли о Лидии. В детстве они жили по соседству, гуляли по лесу и каменистым берегам, восемь лет ходили в однокомнатную школу с другими детишками на острове. Потом каждый будний день стали мотаться на пароме на материк, посещая занятия в старших классах, где их называли «островитянами». Они были для всех изгоями, странными людьми, почти вырожденками.

Неразлучными.

Сколько Рори себя помнил, он всегда желал Лидию, но не то чтобы сознательно лелеял эту страсть. Даже уехал в Портленд, где поступил в колледж и делил комнату с другими четверьмя ребятами, жил в большом городе, мечтая уехать как можно дальше от дома. Однако обстоятельства распорядились иначе: родители умерли, а Пит тогда еще был несовершеннолетним и нуждался в присмотре. Потом и Лидия, уезжавшая в колледж в Ороно, вернулась и привезла, к всеобщему удивлению, мужа. Чужака. Трея.

Тут кто-то постучал в окно джипа. Не постучал даже, забарабанил, и Рори вынырнул из задумчивости, почти ожидая увидеть одного из художников, который потребует подбросить его в порт. И в самом деле, на дороге нервно перетаптывалась с ноги на ногу женщина; рядом стоял ее чемодан, содержимое которого было разбросано по земле.

Все на этом острове жило в ритме парома.

– У вас еще двадцать минут, – сказал Рори, приспустив стекло и неведомо как заставив себя улыбнуться. – Еще спокойно успеете.

Женщина ахнула и показала вдаль на тропинку. Потом наконец обрела дар речи и сказала:

– Там человек.

– Ясно. Его что, подбросить?

– На дороге. За поворотом. У него нож.

Включились наработанные рефлексy: вызвать подкрепление (да ну, какое тут подкрепление?), очистить территорию, изолировать источник проблемы.

– Бегите, – хрипло прорычал Рори. – К мосту. Если кого-то встретите, велите им тоже уходить. Ни за что не останавливайтесь.

Женщина смотрела на него, не шевелясь.

– Быстро!

Спотыкаясь, она перешагнула через собственный чемодан и побежала прочь. Рори же, оглянув поворот, сообщил о ситуации в дежурную часть на материке и чуть не врезался в мужчину – тот размахивал тесаком над головой, угрожая чему-то невидимому. Он был в чем мать родила, шел спотыкаясь и глядя перед собой сонными глазами. Рори дал по тормозам и выскочил из машины.

– Черт возьми, Пит! – прокричал он. – Опустит нож.

Младший брат Рори некогда был мускулистым и привлекательным малым, но теперь сильно схуднул, а его тело покрывали следы от уколов и шрамы.

– Пидор, пидор, пидор, гомик, пидор, – бормотал Пит, размахивая ножом.

– Господи Иисусе, под чем ты сегодня? – спросил Рори.

Брат еще сильнее разъярился и неуклюже бросился на него, вспоров ножом воздух, однако Рори привык бороться с младшим братишкой. Он всю жизнь напоминал Питу, кто из них старший. И теперь жалел об этом. Он отступил в сторону, уходя от удара, и Пит плюхнулся в лужу, сверкая голым задом.

Рори отбросил нож в кусты, прижал братишку коленом к земле и надел на него наручники.

– Ты уж извиняй, – произнес он.

Пит был младше на шесть лет. Он едва дотянул до конца старших классов и был еще пацаном, когда умерли сперва мать, а затем и отец. Рори к тому времени успел поучиться в колледже, но затем записался в полицию, а Пит пошел по стопам отца и стал паромщиком. Работа ему нравилась: он любил быть главным, оставаясь в зоне комфорта, где все знакомо. Любил пиво и девчонок, которые ежедневно мотались на пароме туда и обратно. Большую часть времени, особенно летом, работа у Пита была не бей лежачего. Но потом на остров и в семью Рори проникли наркотики, забрав по очереди ее членов. Сперва мать – та принимала оксикодон, пока рак пожирал ее тело. Затем отца – он таскал у нее таблетки, чтобы заглушить боль от старой травмы. Оба нашли врачей, которые продлевали им рецепт. Мать умерла от рака семь лет назад, а отец – от передоза – спустя год. Теперь вот Пит...

Начал братишка с того, что в старших классах таскал у родителей таблетки и продавал их в школе. Рори прикидывался, будто не знает, закрывая глаза на преступление и беря грех на душу. После инцидента с паромом и после того, как Пит вылетел с работы, схлопотав заодно условный срок за употребление наркотиков, дела только ухудшились. Рори гадал, когда – а

это правда был вопрос времени – ему пригодится налоксон³, который он всюду носил с собой, чтобы, если что, выручить брата. Вообще на острове этот препарат спасал очень часто.

Рывком подняв на ноги Пита – брат рычал и пытался укусить за руку, – Рори запихал его на заднее сиденье джипа и бросил ему плед.

– На вот, укройся. Эта сморщенная пипирка славы тебе не добавит.

Под кайфом и гольшом выбежав в лес, размахивая ножом, Пит откровенно нарушал условия срока. Похоже, пришла пора наконец сдать братишку. Не может же Рори вечно его покрывать. Вот только тюрьма, где наркотики достать несложно, ничего не исправит. Наоборот, лишь ухудшит.

Внезапно накатила дикая усталость. Паром отбывал через десять минут, и Рори нужно быть на причале, чтобы проводить его. Надо бы еще разок объехать Малый Эф, поискать опоздавших. А еще одеть братишку, отвезти на материк и сдать шерифу. Так Рори поступил бы в качестве представителя закона, исполняя служебные обязанности. Но есть же еще долг перед семьей. К тому же сегодня ночью надо быть на острове. Переждать бурю вместе с остальными, убедиться, что никто не пострадал.

– Пидор, пидор, пидор, – трещал Пит, молотя в окна джипа.

– Прекрати, – велел Рори. – Пожалуйста, – добавил он потом дрогнувшим голосом.

Его слова, похоже, достигли цели: братишка слабо улыбнулся и закрыл глаза.

– Даров, братан, – проямлил он.

Приоритеты.

Что самое главное?

Семья – на первом месте. Так учила мама. Об этом напомнила бы и Лидия.

Рори завел двигатель. Через восемь минут паром уйдет. До завтра другого не будет. А значит, у Рори восемь минут на размышления.

Впереди на дороге, в паре сотен ярдов, он увидел женщину – та бежала к нему. Рори хотел уже ехать дальше – в конце концов, любой, кто застрял на острове, теперь сам по себе, – но что-то в том, как женщина двигалась, заставило его притормозить. Вот она споткнулась и упала, поднялась на четвереньки. Ни чемодана, ни тележки при ней не было, а ее светлые волосы развевались вокруг головы сальными щупальцами. Да это же одна из сквоттеров, занявших викторианский дом, новенькая, пробыла на острове всего неделю-другую. Особняк стоял в лесу как раз за поворотом. Рори не сомневался, что Пит – чем бы он ни закинулся – достал наркоту именно там. Не первый раз захотелось взять спички и подпалить чертову развалину. Развелось на острове чужаков. Развелось барыг, стремящихся нажиться на всех подряд.

Рори обернулся к Питу:

– Знаешь ее?

Братишка смотрел перед собой пустыми глазами.

Женщина закричала, но слов Рори не разобрал.

Он ждал. Оценивал ситуацию. Смотрел, нет ли при ней оружия. Теперь на ее лице он видел испуг. Слезы. Пот. И тут он вспомнил: мальчик, темные волосы, грустные глаза... холодное осеннее утро, когда эти двое прибыли. Мальчонка жался к бедру матери, когда они сошли с парома и отправились вдаль по дороге, неся грязный зеленый вещмешок. Рори в тот день чуть не последовал за ними, понимая, что они наверняка окажутся в том старом доме, где ребенку совсем не место.

Спустя мгновение Рори уже несся в сторону пирса. Оставалось четыре минуты. Не дай бог, Гас убрал мост.

– Сегодня тебе везет, – сказал Питу Рори.

---

³ Препарат – антидот при передозировке опиоидами, в т. ч. героином.

Сейчас он был единственным помощником шерифа на острове, и приходилось выбирать. Он включил сирену и проблесковые маячки – нужно было задержать паром.

Глава 3

Морган Магуайр пропальпировал живот кокер-спаниеля по кличке Руфус. Руфусу было пятнадцать лет. Шерсть у него уже спутывалась и местами лезла, тело покрывали папилломы, но в остальном он был здоров. Его хозяин Эрвин сидел, вцепившись в подлокотники кресла, пока Морган производил стандартный осмотр.

– Я принес образец кала, – сообщил Эрвин.

– Проверим, – ответил Морган. – Я только не знаю, на что. С Руфусом все хорошо, просто он стареет.

Пройдет год или два, и разговор будет другим, куда труднее. Морган даже не был уверен, что Эрвин его выдержит. Он приносил собаку на осмотр в клинику на Централ-сквер в Кембридже практически каждую неделю – последние года два, с тех пор как умерла его супруга. Ему уже было под восемьдесят, и сам он выглядел как его пес: тоже лысеющий и в папилломах. Морган вообразил, как они с псом сидят дома одни, на диване и смотрят «Рискуй!»⁴. Вообразил их прогулки по району, маршрут которых менялся по мере того, как переезжали друзья. Он опустил Руфуса на пол, и тот осторожно подошел к Эрвину, давая почесать себя за ушами.

– Я волнуюсь, – признался Эрвин.

– Знаю. Приходите в любое время.

Последние несколько месяцев Морган и сам переживал. С тех самых пор, как вошел в палату нью-гемпширской больницы к искалеченной Эстер. Они оба изменились и прежними уже не станут, ведь Кейт с ними, а Дафна валандается где-то, занятая непонятно чем. Отчасти Морган надеялся, что уж сегодня-то – в их с сестрой день рождения, один на двоих, который они в детстве терпеть не могли, но потом полюбили, – Дафна с ним свяжется, а отчасти боялся, что она объявится. Морган с Эстер еще сами не оправились, и Дафна только усложнит им задачу.

– Вы очень хорошо заботитесь о Руфусе, – сказал Морган, ненавидя себя за эту банальность. Эрвин-то хотел того, чего Морган никак не мог ему дать: вернуть то время, когда жена была здорова, дети молоды, а брюшко Руфуса – розовым и гладким. Он хотел времени, когда жилось счастливо.

Того же хотел и сам Морган.

Когда он провожал Эрвина с Руфусом к стойке ресепшена, зазвонил телефон. Морган ответил и тут же перезвонил по другому номеру.

– Мне нужна помощь, – сказал он. – Сегодня вечером.

Энни ухватилась за фальшборт, ожидая, пока из беспокойных вод залива Мэн покажется очередная ловушка для омаров. На ней были только желтая штормовка да плотные резиновые перчатки – чтобы не цапнули за руку, пока она наматывает трос с ловушкой на лебедку у побережья острова Финистерре, где от Ирландии ее отделяли только серые воды.

– Эй, Рыжая, не стой.

Энни обернулась к капитану судна, Воуну Робертсу, который в это время смотрел на темное западное небо. Его черный лабрадор по кличке Минди прошелся по палубе и ткнулся носом ей в руку. Энни терпеть не могла, когда ее зовут Рыжей. Кличка напоминала о детстве, когда девчонки-задиры на игровых площадках дразнили ее за цвет волос и светлую кожу. Пришлось, однако, напомнить себе, что Воун – босс, а когда ты бродяга, издеваться над тобой могут куда хуже. К тому же Лидия Пелетье рискнула и выбила для нее эту работу, и Энни не

---

⁴ Оригинал. «Jeopardy!» – американская телевикторина с денежными призами.

могла позволить себе потерять дневной заработок и единственного друга, которого обрела за все лето, прожитое на острове.

– Есть, босс! – отозвалась она.

Лебедка вытянула из воды очередную ловушку, и Воун шестидюймовым ножом с синей ручкой срезал водоросли. Пока он двигался вдоль леса, Энни, действуя методично, достала из ловушки извивающееся создание и измерила панцирь: три с четвертью дюйма – минимальный допустимый размер улова. Окажись омар на долю дюйма меньше, и отправился бы назад в серые воды еще на денек, однако удача была не на его стороне. Энни бросила добычу в бак и проверила еще девять омаров, шесть из которых – включая самку, которой она пометила хвост, – пришлось отпустить. Затем Энни надела омарам на клешни резиновые ленты, а Воун в это время вел судно дальше по волнам. Минди стояла на носу, и ветер трепал ее черные уши.

– Как думаешь, будет шторм? – спросил Воун. – Если да, то надо достать весь улов.

– Кто знает...

– Никто, – ответил Воун, продубленный морскими ветрами и солью. Такими и представляла себе ловцов омаров Энни, даже молодых вроде Воуна. А еще он оказался болтлив и говорил с новоанглийским акцентом, который он старательно вытравливал. – Кстати, откуда ты знаешь Лидию?

Он весь день донимал Энни вопросами, которые ей удавалось игнорировать.

– Не то чтобы я ее знаю. А ты – откуда?

– Когда живешь на острове вроде нашего, знаешь всех. Кроме чужаков. С Лидией мы росли вместе. В старших классах по будням катались на пароме на материк, в школу. Даже в колледже вместе учились. Теперь вот снова оказались вместе на острове, и уж не знаю, к худу ли, к добру ли. Не получается у нас никак разойтись. Ты, кстати, должна знать ее мужа Трея.

– С чего бы это? – ответила Энни, запоздало сообразив, что звучит так, будто ей есть что прятать.

– Почему нет? – помолчав, спросил Воун. – Тут же все друг друга знают. А ты откуда будешь?

– Из Собачьей бухты, с Малого Финистерре. Там еще старый викторианский дом стоит.

– Эта развалина у маяка? Почти все, кто там живет, воняют хуже, чем пятидневные рыбы потроха. Хорошо, что от тебя так не пахнет. Ты что, решила вне системы пожить какое-то время?

Почти каждый, кто жил в том доме, был вне системы. Ни телефонов, ни интернета. Вообще ничего.

– Здесь только мы двое, – сказал Воун, видя, что Энни не спешит отвечать. Одновременно он продолжал вести судно по беспокойной воде. – Может, хоть попробуем? Ну, знаешь, я задаю вопрос, а ты отвечаешь? Спроси меня о том же, и я отвечу, что родом отсюда, что уезжал на несколько лет в Портленд, но теперь вернулся, потому что два месяца назад бывшая выставила меня из дома. Тут ты спросишь: как так, такой симпатичный мужчина и одинок? А я отвечу: да вовсе я не симпатичный, но ты такая: еще какой симпатичный, даже очень, правда-правда... В таком вот духе.

Сказать по правде, Воун был вовсе не дураком собой. На вид лет тридцать, может, тридцать пять. Точно немного моложе Энни. В волосах – преждевременная седина, глаза – голубые, пристально смотрят из-под капюшона дождевика. Самой Энни было тридцать семь. Старовата она для Воуна, но все ведь зависит от обстоятельств, не так ли? В кровати одному становится холодно и одиноко. Давно ли Воун развелся? Давно ли делил постель с женщиной? Все же придется Энни ему подыграть. Она приготовилась запоминать собственные ответы, чтобы не забыть потом свою версию правды.

– Да, я вне системы, – сказала она. – Временно.

– Странно, что в этом доме еще кто-то живет, – сказал Воун. – Обычно, как летом туристы разъедутся, так и в доме пустеет.

Когда Энни заехала в особняк, в июне этого лета, все комнаты, кроме одной, были заняты. После Дня труда постояльцы начали съезжать, и наконец она осталась одна. Правда, потом, недели две назад, объявились женщина по имени Френки и ее четырехлетний сын Итан.

– Планируешь оставаться? – спросил Воун. – Осмелишься перезимовать? На это только храбрецы решаются. Или дураки. Со снегом сразу приходят морозы. Вот тебе совет: перебирайся в городок, жилье там быстро дешевеет. А зима в Мэне покажется тебе бесконечной, даже с горячим радиатором и рабочим водопроводом. Но пока не проведешь зиму здесь, навсегда пришедшей останешься. Что вообще привело тебя на Финистерре?

Энни подумала немного и ответила:

– Удача.

Лодку качнуло, и Энни одной рукой схватилась за планширь, другой – за ошейник Минди. Ее окатило студеной морской водой, аж дух перехватило. Энни утерла лицо, ощущая на губах соленый вкус.

– Все нормально? – спросил Воун.

Лето приучило Энни не жаловаться. Поэтому она кивнула и сказала, что можно двигаться дальше.

– У тебя прямо поступь моряка, – заметил Воун.

– Я ничего о лодках не знаю.

– Мне-то не рассказывай.

Он сбавил ход до холостых оборотов и, глянув на горизонт в бинокль, заметил пурпурно-синий бакен с крюком.

– Еще одна остановка, – сказал он, цепляя лесу на лебедку.

Энни тоже всмотрелась в даль, а Минди в это время плотно прижалась к ее ноге. Весь день они доставали из воды только желто-оранжевые буйки, и Энни знала о ловле омаров достаточно, чтобы понять правила: красть чужой улов точно не стоит. Однако ей хватало ума держать рот на замке и не высовываться, даже несмотря на холод в животе или на то, что рубаха-парень, с которым она проработала весь день, внезапно сделался молчаливым и настороженным. Разве у нее был выбор? Она с ним одна в лодке, посреди моря. К тому же в конце дня Воун заплатит ей семьдесят пять баксов и даст пару молодых омаров, а столько она уже несколько месяцев не зарабатывала.

Показалась первая ловушка, и Воун проверил ее. Потом бросил назад в воду, не достав из нее ни одного омара. Со второй проделал то же самое, и с третьей. Задержался только у последней.

– Вот это да! – воскликнул Воун. – Ты только глянь на эту кроху!

Омар едва уместился в ловушку. Воун вытащил его и осмотрелся, проверяя, нет ли кого поблизости. Потряс омаром, которого Минди тут же попыталась цапнуть за хвост. Весила добыча, наверное, больше двадцати фунтов, а клешни у нее были вдвое крупнее ладони Энни.

– Боже мой, если она нас обоих не проглотит, обо мне в «Кроникл» напишут! – радовался Воун.

– Красавица, – сказала Энни. Омар явно не разделял ликования Воуна. – Как думаешь, сколько ей?

– Лет сорок, если не пятьдесят. Представь только, она все эти годы умудрялась прятаться от нас! Держи-ка. Она сильная. Того и гляди остальных в баке порвет.

Энни ухватила омара под клешни. Это было создание, за которое щедро заплатят; нелегальный улов, который станет основным блюдом, а остатки отправятся на помойку. Так нечестно. После стольких лет выживания.

Энни швырнула омара за борт.

– Да бля! – вскрикнул Воун, схватив рукой пустоту. Ударил ногой в борт и резко обернулся. Того и гляди прыгнет следом. – Бля! Господи! Ах ты ж, сраная... надо же было так облажаться!

Энни глянула в сторону острова на горизонте. Она не знала, на что Воун способен, знала только, что он зол. Вспомнила, как Лидия уверяла его, мол, Энни достойна шанса.

– Прости, – только и выдавила она.

– Вот и нанимай после этого равнинника, – бурчал Воун. – В следующий раз дважды подумаю. Полсотни баксов. Столько стоил этот омар и во столько мне обойдется твой фортель.

– Омар был слишком большой, – напомнила Энни. «И вообще, краденый», – чуть не добавила она.

– А еще это была самка. Помеченная. Ты не заметила? Потерпела бы ты минуту, и я бы все равно ее отпустил. Поймавший самого крупного омара каждый год получает приз из пруда и премию в полсотни баксов, но мне нужно было с ней сфоткаться. На слово никто не поверит. Вычту из твоей зарплаты.

Пятьдесят долларов. О, как же Энни нуждалась в этих деньгах. Откуда Воуну знать, что у нее остались последние пять баксов, что она в отчаянии, какого не знала всю свою нелегкую жизнь? Но, должно быть, заметил это по ее истрепанной одежде и пожелтевшим ногтям. Понял, что может вертеть Энни, как ему заблагорассудится, потому что она не даст сдачи. Энни сделала глубокий вдох, стараясь сохранить крохи достоинства и не опуститься до мольбы.

Воун ударил кулаком воздух:

– Отлично день закончился.

– Омар был не твой, – тихо проговорила Энни.

– Ну-ка повтори.

– У тебя не было на нее прав. Эти полсотни принадлежат другому.

Воун развернул лодку и прибавил ходу, направив ее к острову. Волны к тому времени сделались выше, погода сменилась, но Воун вел судно так легко, будто видал шторма и похуже. Он целиком сосредоточился на деле, обращаясь с Энни как с наемной работницей, которой она и была. И если до этого она еще надеялась, что Воун снова позовет ее в море, то теперь точно лишила себя всякого шанса.

В правый борт ударила волна, сбивая их с курса и заливая палубу.

– Вот черт, – выругался Воун, борясь со штурвалом. – Собаку держи! Надо было еще час назад возвращаться.

Схватив Минди за ошейник, Энни принялась закреплять на палубе все, что не было закреплено, и радовалась, что можно отвлечься. Когда они огибали остров Боумана, идя к бухте, воды чуть успокоились. Воун еще больше сбавил ход и вошел в канал. Впереди мелькнули синие огни единственного на всем острове полицейского джипа, и на мгновение Энни решила, что это их ищут. Она успела подумать, каково это, когда тебя теряют, хотя на самом деле ей вообще не хотелось возвращаться из моря. Там она временами забывала обо всем, что за бортом, обо всем, кроме двух людей, работающих в тандеме. И теперь она мечтала оказаться подальше от того, что означают эти синие огни на берегу.

– Паром еще не ушел, – заметил Воун, сверяясь с часами. – Уже больше четырех часов. Он должен был уйти двадцать минут назад.

Он остановился у причала, и Энни выпрыгнула на доски со швартовом в руке. Понадобится еще полчаса на то, чтобы разгрузить и взвесить улов, однако Воун выскочил из лодки сразу за ней и привязал швартов. Потом, не оборачиваясь на Энни, взошел по мостку в порт. Следом за ним просеменила Минди; пошла наверх и Энни.

– Давай разгрузимся, – предложила она.

– Там что-то случилось, – сказал Воун. – Паром же ходит как часы.

На самом верху мостка Энни резко остановилась, и в этот самый момент небеса разверзлись, на землю пролились первые крупные капли теплого дождя. У спуска, опершись на машину, стоял Рори Данбар, местный помощник шерифа. У него в машине на заднем сиденье сидел завернутый в плед мужчина и смотрел в пустоту перед собой взглядом брошенной собаки. Энни узнала его – он как-то заглядывал в особняк.

– Увидел твою лодку в бухте и подъехал встретить, – сказал Рори, а Минди попыталась запрыгнуть на него. – Весь день в море были?

– Ага, – ответил Воун, поглядывая на пассажира. – С ним все нормально?

– Нормально, – коротко ответил Рори, отгоняя собаку. – Никого больше не встретили?

– Да нет. Если кто-то в море и задержался, скоро ему придется туго. А что случилось-то? Почему паром не ушел?

Рори подошел к Энни, глядя на нее, как на мусор. У нее даже свело в животе. Неужели пришли за ней?

– Остров на локдауне, пока не прибудет полиция штата, – сказал Рори. – Снова пропал ребенок.

Глава 4

Когда летом пропал Оливер, искать его выбрался весь городок и даже Энни, однако нашел мальчика именно Рори. Энни стояла тогда в толпе и помнила, как он передал на руки Лидии спящего сына и победно вскинул над головой руки.

– Ты герой! – крикнул ему кто-то, а Рори отмахнулся и ответил:

– Просто работа такая, – с напускной скромностью, которой Энни ему так и не забыла.

Тот случай омрачил все лето, но для Энни пропавший мальчик стал чуть ли не отдушиной. Появилась тема для разговора, повод сдружиться. Что-то, что связывало ее с этими маленькими людьми на этом крошечном острове. А самое лучшее, так она подружилась с Лидией.

Воун обернулся к Рори:

– Кто на сей раз?

– Еще один четырехлетка. Итан. Его мать зовут Френки. Они приезжие, – добавил Рори, как будто это имело значение. Потом кивнул Энни: – Ты ведь их знаешь?

Итан с Френки тоже жили в особняке, но Энни не то чтобы их знала. Они приехали сразу после Дня труда, когда разъехались остальные сквоттеры.

– Расскажи-ка о них, – попросил Рори.

Энни застыла, вцепившись в ржавые перила. Должно быть, она выглядела так, будто вот-вот потеряет сознание, потому что Воун придвинулся к ней, готовый подхватить под руку. Часть ее хотела прижаться к нему, другая – бежать. Только куда? Прятаться негде. На таком крохотном острове.

– Все хорошо, – сказала она, отмахиваясь от помощи. – Итан хороший мальчик.

– А его мама? – спросил Рори.

Энни вспомнила Френки: жидкие волосы и кровоточащие десны. Ванна и зубная нить поправили бы дело. Однако о чем Энни точно промолчала бы, так это о том, как часто при ней Френки вытирала нос от белого порошка, пока Итан скулил, обделав штаны. В другой жизни Энни позвонила бы в органы опеки, но здесь, одинокая, она сказала:

– Вроде тоже нормальная.

– Когда ты последний раз видела Итана? – спросил Рори.

– Прошлой ночью, когда ложилась спать. Может, он просто потерялся? Тут много мест, где можно заблудиться.

– Возможно, – сказал Рори. – Но даже если он правда просто заплутал, то ему всего четыре года, он один и мог пораниться. Надо найти его до начала бури. Его нет уже несколько часов. Точно не видела его сегодня? Даже мельком?

– Мы вышли в море очень рано, – ответила Энни. – Он в это время должен был еще спать.

– Это правда, – подтвердил Воун. – Мы в семь утра отчалили.

Рори шагнул к Энни. Он был высок, даже выше ее, и пользовался этим как средством давления.

– Я слышал, что в доме сейчас только вы трое, – сказал он. – И что остальные неудачники смылись на зиму. Сама понимаешь, что, пока не найдем виновного, под подозрением все.

– Иди на хер, – ответила Энни, понимая, что перегнула палку. Однако с тех пор, как она появилась в городе, Рори судил ее по одежке и обращался с ней как с грязной оборванкой.

Рори побагровел, на шее у него забились синяя венка.

– В июле пропал Оливер, – напомнил он, – сразу как ты объявилась в городе. Теперь исчез второй мальчик, а это уже тенденция.

Воун вклинился между ними.

– Давайте-ка чуток полегче, – сказал он. – И ты тоже, Рорик.

Рори отпихнул его в сторону.

– Все знают, что летом куча разных приезжих, – сказал Воун.

Рори разгладил рубашку и поправил значок.

– Ладно, – сказал он. – Полиция штата будет здесь через час, тогда паром и отпустим.

А пока мне нужна будет ваша помощь. Давайте разгрузитесь, потом ступайте в общественный центр. Там общий сбор. Попробуйте организовать народ и поискать на Малом Эфе. Итан, если он правда потерялся, должен быть там. Я пока присмотрю за пассажирами парома.

– Сделаю, – согласился Воун. – Минут десять займет.

Рори забрался в джин и так сильно хлопнул дверцей, что сидевший на заднем сиденье мужчина вздрогнул.

– Постой, – окликнула его Энни. – Где сейчас Френки?

– В доме, – ответил в открытое окно Рори. – Ждет, вдруг сын вернется.

Воун проводил взглядом уехавший по гравийной дорожке джип и сказал:

– Не обращай на него внимания. Он просто бесится.

Энни удивилась доброте в его голосе. Она еще не забыла об омаре и полтиннике, который задолжала.

– Он племянник кузена мужа моей сестры, – добавил Воун. – Если ты не запуталась... Мы вместе учились в старших классах. С Лидией. Каждый понедельник втроем мотались на пароме на материк, и Рори вместе со мной оставался на всю неделю в доме у моих дяди с тетей. Я хорошо его знаю, он зол от того, что пришлось снова вызывать полицию штата. То же было в июле, когда потерялся Оливер. То же бывает всякий раз, как тут происходит что-нибудь интересное. Рори чужаков на своей территории не терпит.

– Вы с Рори ровесники? – спросила Энни.

– Из-за волос спрашиваешь? – Воун коснулся своей седины. Нет, дело было вовсе не в ней, просто Энни Воун казался более крепким и заматеревшим, чем помощник шерифа.

– Вот бы он меня в покое оставил, – сказала она.

– Его пугает все новое, в том числе и новые люди. Вот он и вымещает страх на тех, кто слабее. К тому же у него проблемы в семье, да и лето выдалось тяжелое. Рори хочет поступить в полицию штата, но трижды провалил экзамен. А его братишка, Пит, ну, ты видела его на заднем сиденье джипа, он все, что осталось у Рори от семьи... В общем, не казись, ты не виновата в том, что он такой смурной и глупый.

Воун вынул из бумажника две пятидесятидолларовые банкноты. Глядя, как они трепещут на ветру, Энни едва удержалась, чтобы не схватить их.

– Ты же штрафануть меня хотел, – напомнила она.

– Я долго не злюсь, а когда пропадают дети, сразу вспоминаешь, что в жизни главное. К тому же хорошо, когда сердце доброе, даже на воде. А если кому удастся выбесить Рори, то этот человек явно не плох.

– Ты должен мне семьдесят пять. Сдачи у меня не будет.

– Оставь себе. История с омаром тоже пусть останется между нами, лады? Слухов и без того хватает. А через денек-другой после шторма айда снова со мной в море.

Пальцы Энни зудели от нетерпения, хотелось сгрести купюры в кулак, пусть бы даже это была уловка. Она понимала, что такое тайны, и что они за собой влекут, но помнила и про последнюю пятерку, заныканную, чтобы не потратить впустую, на дне рюкзака. Энни помнила, как тяжело голодать, поэтому взяла деньги и убрала их в карман.

– Значит, договорились, – произнес Воун.

– Значит, да.

Сотня баксов! Энни чуть спасибо не сказала.

– Иди уже, – поторопил ее Воун. – Как закончу, найду тебя в общественном центре.

Воун спустился к лодке, потом обернулся и, посмотрев на нее из-под капюшона дождевика, прикрикнул:

– Иди!

– Увидимся, – ответила Энни, направляясь к порту.

Порт делился на три секции: в коммерческой швартовались рыбаки; там они выгружали улов и взвешивали его у садка с омарами. В публичной лето напролет заправлялись яхты и прочие прогулочные суда. В ожидании шторма команда «Финистерре ботс» работала сверхурочно, вытаскивая из воды немногие оставшиеся лодки и укрывая их в сухом доке. Третья секция представляла собой пирс, к которому причаливали паромы. Два рейса связывали остров с Бар-Харбор на севере и Бутбей-Харбор к западу отсюда.

Энни направилась в город, где над входами в редкие учреждения опасно раскачивались на ветру деревянные таблички. На полпути стояла домашняя гостиница Лидии меж двух буков. Это был маленький домик, обшитый вагонкой и выкрашенный в белый и голубой цвета. За белым забором из штaketника увядал в последних осенних муках сад. Летом на веранде в белых креслах-качалках отдыхали гости, а местные со всего городка валили в скромную пристроенную к дому пекарню.

Энни остановилась у калитки, как обычно, не решаясь войти. Лидия была ее подругой. Лучшей подругой. Это ведь благодаря ей сейчас в кармане у Энни лежала сотка, которую не терпелось потратить. И все же какая-то часть Энни по-прежнему ощущала себя пришлой, чужой. Другая ее часть удивлялась, с какой стати человек вроде Лидии вообще станет уделять ей время.

– Тетя Энни! – окликнул ее тоненький голосок. И сразу же зачавкали по грязи детские ножи.

Энни обернулась к источнику своей радости – под дождем к ней бежал Оливер. Бежал он, как бегают четырехлетки, выкладываясь полностью, не сдерживаясь, стремясь к ней всей душой. Она подхватила его, облаченного в скользкий от дождя плащик.

– Я сегодня пообедал, – шепнул он ей на ухо.

Знал бы он, какая это удача – поесть и верить, что всегда так и будет.

– Спорим, было вкусно, – сказала Энни.

Следом за сыном шла Лидия, с ног до головы одетая в синюю, в тон ее глаз, одежду «Patagonia»⁵; ее темные волосы были заплетены в крендельки у висков. Вообще, куда бы Лидия ни шла, даже в поисках пропавшего ребенка, она всюду несла с собой свет.

– Ты-то мне и нужна! – сказала Лидия. – Я хочу взять лошадей и поискать мальчика верхом. Минут через пятнадцать вернусь. Отведешь Оливера в общественный центр, ладно? Там кто-нибудь да присмотрит за детьми. – Она подошла ближе и поцеловала Энни в щеку. – Как поработала?

– Хорошо, – ответила Энни. – Было хорошо, пока Рори не встретил нашу лодку и не рассказал, что происходит. Хотел все повесить на меня.

– Старина Рори. Готова спорить, ему лишь бы самому под подозрение не попасть, а там хоть на кого преступление вешай. Я его всю жизнь знаю. Ты никого не слушай: Рори никогда и ни за что не навредил бы ни мне, ни Оливеру. А если и есть какая-нибудь таинственная связь между пропажей Оливера и Итана, Рори тоже ни при чем. Ясенько?

Энни удивилась страсти в ее голосе. Впрочем, маленькие городки вроде этого живут сплетнями, несущими разрушения куда страшнее приближающегося шторма, а чтобы узнать, во что эти люди правда верят, надо стать частью их мира.

– Вы вместе ходили в школу? – спросила Энни.

---

⁵ Американский производитель одежды и снаряжения для активного отдыха.

– Да, это Воун тебе рассказал? Он тот еще болтун. Не язык, а помело. Что еще он рас-трепал?

– Не много. Сказал, что развелся и этим летом вернулся сюда.

– Воун расстался с женой Софи несколько месяцев назад. Вряд ли он тут счастлив, но такова жизнь. Впрочем, я рада, что он здесь. – У Лидии завибрировал телефон, и она взглянула на экран, проверяя сообщение. – Это Трей. Уже едет. Плывет с материка, так что дело скоро пойдет. А еще он хочет переговорить с тобой. – Она взъерошила волосы Оливеру. – Будь паинькой. Делай, как говорит тетя Энни.

– Оторвемся, – пообещала Энни.

– Отогвемся, – повторил Оливер. Нарочно, наверное, чтобы растопить сердце Энни.

Лидия хотела уже уйти, но тут Энни спросила ее:

– Ты не знаешь, кому принадлежат ловушки с пурпурно-синими буйками?

– Знаю, мне.

– Ты тоже омаров ловишь?

– Немного. Не для продажи. Тут многие ловят их для себя. А что?

– Нашла одну. На пляже. Хотела вернуть.

– Повезло. Ночь бы она не пережила, – сказала Лидия и побежала прочь.

Подождав, пока она скроется за углом, Энни прижала Оливера к себе. От него уже не пахло присыпкой, зато Энни нравилось, как он лопочет, едва связывая слова в предложения. Она любила мальчика так, как он и не подозревал, сильнее, чем способны были понять его родители.

– Я гусеничка! – сказала она, прижав руки к бокам и извиваясь, будто ползла по земле.

– А я птела! – Оливер заметался от цветка к цветку, тычась в них носом.

– А я медведь! Хочу меду! – сказала Энни, вытянувшись во весь рост и нависая над Оливером. Мальчик с визгом метнулся прочь. Энни побежала за ним, догнала и протянула руку.

Оливер принял ее без вопросов.

Общественный центр был старым зданием, в котором что только не размещалось: и штаб полиции, и депо добровольной пожарной бригады, и зал для собраний, и летняя церковь, и, когда надо, тюрьма. Сегодня по мере того, как день клонился к вечеру, а дождь и ветер усиливались, люди высыпали наружу и сгрудились под навесами. Парни во фланельках разливали по красным пластиковым стаканам пиво из объемных бутылей. Изнутри, доносясь по ветру, звучало треньканье гитары и печальные напевы местного фолк-музыканта. Сцена больше напоминала некий праздник, нежели поиски пропавшего мальчика. Энни робко держалась в сторонке, под порывами теплого плотного воздуха. Кто-то предложил ей пиво, и она приняла угощение; в это время, мелькая в толпе, носились друг за другом ребяташки. Оливер присоединился к ним, слившись с морем лиц. Энни поспешила за мальчиком, продираясь через живую стену, но потом увидела, что он примкнул к кругу ребяташек в единственном классе местной школы, под присмотром учительницы. Энни сказала ей, что пришел Оливер, и молодая женщина кротко махнула рукой.

– Уже видела, – сказала она.

Вернувшись наружу, Энни увидела Воуна: тот взбирался на холм, как и она, не успев сменить дождевик на обычную одежду. Завязав с кем-то из местных беседу, он закурил сигарету. Потом прошел внутрь и вернулся с громкоговорителем.

– Пока что мальчика найти не удалось, – сообщил он толпе. – Полиция штата уже едет, но мы тем временем должны постараться и в оставшееся время сделать все возможное. Буря скоро войдет в полную силу. – Люди в толпе зашептались, и он подождал, пока бормотание

смолкнет. – Уже объявили план «Перехват»⁶, но пока будем считать, что Итан все еще на острове. Он мог заблудиться. Или пораниться. Всем ясно?

Следующие несколько минут Воун разбивал людей на небольшие группы: потом они отправились на поиски, кто пешком, а кто на редких пикапах. Заметив на себе взгляд Энни, Воун махнул, подзывая ее к себе. Она сделала вид, будто не заметила, и прошла в общественный центр, однако там ее вскоре Воун и нашел.

– Избегаешь меня? – спросил он, протягивая ей стаканчик кофе. – Ты же пьешь со сливками и с сахаром? Друзья такие вещи помнят.

Энни кофе взяла, а замечание про друзей оставила без комментариев.

– Мы почти организовались, – сообщил Воун. – До наступления темноты всего час, к тому же сегодня еще до кучи лунный прилив, а значит, жди паводка. Минут десять назад полострова осталось без света. На очереди – вторая половина, кроме тех, у кого есть генератор.

Воун надкусил сэндвич, и только тут Энни поняла, как голодна. В животе у нее заурчало, и тогда Воун указал в угол, в котором группа женщин приготовила столы и радовалась всякому с пустым подносом.

– Перед уходом тебе не мешало бы подкрепиться.

Энни протолкалась к столу, где, почти не жуя, проглотила сэндвич. Потом под пристальным взглядом женщин на раздаче налила себе еще кофе. Вот одна из них – с волосами цвета серой стали и улыбкой на губах – подошла к Энни. Все свободное время, наверное, эта пожилая островитянка посвящала саду с георгинами.

– Тебе помочь, милая? – спросила она.

– Я доброволец, – ответила Энни, вытирая руку о дождевик. – Как и все тут.

У этих женщин и лодки, и одежда «L. L. Bean»⁷, борьба за выживание им неведома, они все получают просто так и в мире Энни не протянули бы и дня. Теперь они хотят, чтобы она ушла. Решимость Энни помочь этим людям начала заметно слабеть, но тут кто-то обнял ее за талию. Это пришла Лидия. Она принесла коробки с выпечкой, которые поставила на стол.

– Спасибо, что собрали людей, – обратилась она к пожилой женщине. – Ночь предстоит долгая. Ты ведь уже знакома с Энни?

– Разумеется, – ответила пожилая.

– Она мой друг, ты уж с ней потеплее, – попросила Лидия, уводя Энни в сторонку.

Они заглянули в школьный класс проведать Оливера, потом вышли на улицу и пересекли раскисшую дорогу. Остановились под деревом, где Лидия привязала двух ломовых лошадей. Пока она гладила животных по гривам, Энни держалась в стороне. Лошади были крупные: одна вороная, вторая серая в яблоках. Таких заводят для работы в поле, а не для езды по проселку. Тут Лидия поманила Энни и вручила ей поводья. Лошадь сразу заржала, и Энни невольно отшатнулась.

– С этой парочкой бояться не надо, – заверила ее Лидия. – Обоим по двадцать пять лет, они уже измотанные, зато послушные. Вороного зовут Ленни. – Лидия взяла Энни за руку и положила ладонью на гриву коня. Пальцы Энни утонули в жестком волосе. – А этого зовут Сквигги. Он мой любимчик, только Ленни об этом не говори.

Энни потянулась было погладить Сквигги, но отпрянула, стоило тому резко фыркнуть и показать желтые зубы.

– Они не укусят.

Подошел Воун и забрал поводья Ленни. Энни отступила, только радуясь этому. Лидия тем временем поднырнула под шею Сквигги и взяла его под уздцы. Оперлась о его плечо и сказала Воуну:

---

⁶ Имеется в виду американский AMBER Alert (Эмбер Алерт) – система оповещения о похищении детей.

⁷ Американский производитель одежды для активного отдыха.

– А вот и ты.

Воун достал из кармана яблоко и угостил им вороного.

– Готовы? – спросил он.

– Трея не подождет? – спросила Лидия.

– Пора уже выдвигаться. Как-никак ребенок пропал.

Лидия кивнула, и он сцепил руки в замок, подсаживая ее.

– Ты что, курил? – спросила, опираясь на него, Лидия.

– Нет.

– Врешь ведь.

Она вскочила в седло и вставила ноги в стремя. Конь с фырчанием потоптался на месте и снова замер. Воун тем временем вскочил на вороного, а Энни смотрела за ними молча. Однако тут Лидия как будто вспомнила о ней.

– Та женщина в доме сейчас одна? Я про маму мальчика. Ты бы шла к ней.

– Мы с ней не дружим, – ответила Энни.

– Ты же понимаешь, ей сейчас плохо, она тревожится. А ты единственная ее соседка.

– Тебе-то что?

– Я была на ее месте. Знаю, каково это – когда ты совершенно одна. Обещай, что побудешь с ней.

– Ладно, обещаю, – уступила Энни. Лидия права: человека, даже такого, как Френки, в подобные моменты бросать одного нельзя.

Лидия развернула коня и поскакала вниз по дороге, Воун – следом за ней. Ревущий ветер и тот был не в силах заглушить топот копыт по раскисшей земле. Энни двинулась прочь от толпы, спускаясь с холма, глядя, как Лидия с Воуном исчезают за пеленой ливня.

Все лето Энни всеми правдами и неправдами стремилась побольше разузнать о Лидии. Друг она ей или нет? Оказалось, Лидии нравится гонять по горам на велосипеде, ее любимое блюдо – спагетти «Карбонара», и она на полном серьезе слушает Фила Коллинза⁸. Мужа Трея скорее терпит, а в сынишке Оливере души не чает. Правда, за все три месяца она ни разу не упомянула Воуна Робертса и заговорила о нем лишь вчера, когда «одному школьному другу» понадобился помощник в море.

– Он постоянно в пекарню заглядывает, – сказала Лидия, небрежно махнув рукой. – Раньше мы дружили, но сейчас почти не общаемся.

У поворотного моста Энни взглянула вниз на бурлящий поток. Переходя на другую сторону и крепко держась за металлические перила, она улыбалась. До сегодняшнего дня, пока Воун не пересекся с Лидией у общественного центра, она не видела их наедине. Ни разу. Зато сейчас богатый жизненный опыт подсказывал, как обстоит дело: эти двое любят друг друга. И это заметно все упрощало.

---

⁸ Коллинз, Фил (р. 1951) – британский рок-поп-певец, бывший участник группы «Genesis»; его визитной карточкой считается первый же сольный сингл «In the Air Tonight» (1979 г.).

Глава 5

Неким образом день выпал из памяти, пока, далеко за полдень, Эстер с Кейт не оказались в супермаркете на Юнион-сквер, бродя туда-сюда по тесным, запруженным людьми проходам; подошвы кроссовок Эстер скользили на покрытом опилками полу. Цветы, сказала она себе. Не забудь цветы. Какой день рождения без цветов? И еще торт. И свечи, конечно же. По правде, Эстер трепетала при мысли о том, что день рождения Моргана совпадает с сегодняшней бурей. Будет здорово переждать ненастье в компании друзей; а еще она надеялась, что буря отвлечет их от мыслей о Дафне и не придется говорить о ней с Морганом. Для Эстер это было бы слишком.

– Что у нас на ужин? – спросила она у Кейт.

Они уже полчаса бродили по торговому залу, а Эстер так ничего еще и не положила в корзину. Может, приготовить жаркое или рагу, что-нибудь, соответствующее погоде? Но у длинных холодильников с мясом всех сортов и нарезок она застыла как вкопанная, не в силах определиться. Не в силах выбрать.

– Уккола! – сказала Кейт.

Руккола. Вечно эта руккола. Ну, хотя бы Кейт не теряется.

– С куриными «пальчиками»?

Кейт вскинула руки над головой. Победа! Вот только взрослых «пальчиками» с кетчупом не накормишь.

– А мамоська на пьезднике будет? – спросила Кейт.

Эстер погладила ее по кудряшкам медового цвета. В последнее время имя Дафны всплывало в разговорах реже и реже, хотя Эстер взяла за правило время от времени показывать ее фото. И все же Кейт порой умудрялась вспомнить Дафну совершенно не к месту.

– У мамочки день рождения вместе с дядей Морганом. Они ведь близнецы, – напомнила Эстер.

– Как Изабель и Эйден.

Эстер заставила себя не спрашивать, кто такие Изабель и Эйден. Кейт уже больше месяца не ходила в садик, не говоря уже о совместных праздниках. В лучшем случае эти двое – плюшевые звери. В худшем – жутковатые воображаемые друзья, да к тому же близнецы.

– Вряд ли твоя мама сегодня до нас доберется, – сказала Эстер. – Но я была бы рада ее видеть.

Новости Кейт восприняла спокойно, что-то задумчиво мыча себе под нос, и Эстер покатила тележку дальше.

Цветы.

Это просто.

Подвести тележку. Выбрать букет. Двигаться дальше.

Однако стоило Эстер оказаться в передней части супермаркета, как выбор ошеломил ее. Розы, гвоздики, гардении, тюльпаны... Это ведь не тяжело, напомнила она себе. Она же до этого десятки раз выбирала цветы. Может, розы? Розы всем нравятся. А ведь они тут и красные, и розовые, и белые, и какого-то странного оттенка оранжевого...

– Синие! – воскликнула Кейт, всем своим телом потянувшись к букету маргариток цвета «электрик» и присыпанных блестками.

– Синие? – переспросила Эстер.

– Дя!

Вот и выбор. Простой. Взять синие маргаритки, и не важно, что они страшные.

– Красивые, да? – сказала Эстер, бросая букет в тележку. Совсем не сложно!

– Оранжевые! – Теперь Кейт указывала на оранжевые розы.

– Оранжевые! – ответила Эстер и тоже бросила их в тележку.

– Йозовые!

Эстер взяла сразу два букета розовых тюльпанов. Они скрасят хмурый осенний вечер. К тому же предоставить выбор Кейт оказалось так просто.

– Кьясные! – сказала Кейт.

Может, скупить все – это тоже выбор? Эстер просто набьет тележку цветами и наполнит дом давно утерянным весельем. Так поступила бы мать – раскованная, безмятежная, она шла и разбрасывала по дому пригоршни лепестков, в то время как Эстер семенила следом, пытаясь восстановить подобие порядка. При этой мысли Эстер замерла, занеся руку над букетом цветов. Она ни за что не станет такой же, как мать.

– Кьясные! – прокричала Кейт, становясь одного с розами цвета.

Прежде ее легко можно было отвлечь принцессами или поцелуем. Поцелуи Кейт долгое время называла «пули»: бывало, подкрадется к Эстер и осыпет ей ухо и щеки целой россыпью «пулек». Теперь Кейт можно было отвлечь арифметикой на куда более длинный промежуток времени, однако «пулек» Эстер не хватало. Она скучала по сюрпризам, а последнюю «пульку» вроде бы пропустила и даже стерла ее тыльной стороной ладони, вместо того чтобы оставить высыхать.

– Сколько мы уже набрали цветов? – спросила она. – Ну-ка, сосчитай.

Сработало. Личико Кейт смягчилось, угроза истерики миновала, и девочка принялась рассматривать цветы в тележке. Считать она начала как раз, когда зазвонил телефон. Эстер взглянула на экран: звонили откуда-то из города Ситуэйт, что на Южном побережье, то есть рядом с тем местом, где Эстер выросла. Рядом с домом матери.

В последнее время Эстер не отвечала на звонки с незнакомых номеров, предпочитая держаться в пределах узкого круга близких друзей. Но сейчас нужно было отвлечься от цветов. Удержаться от того, чтобы скупить весь магазин. Ответив, она поняла, что ожидания оправдались: звонил потенциальный клиент; мужчина (надо быть осторожной) ищет женщину (очень осторожной), ту, с которой встречался (тревога!) в юности. Голос его звучал твердо, с протяжным акцентом Южного побережья. Мужчина рассказал, как отправился в командировку в Ирак, как покинул родной городок, и о ребенке, который у подруги, скорее всего, от него.

– Я тогда еще был не готов, но сейчас, наверное, созрел. Хочу попробовать наверстать упущенное.

До прошлой зимы у Эстер имелась подработка. Она находила пропавших: приемных детей, пару с давнишнего выпускного, друзей из начальных классов. До прошлой зимы это занятие казалось безобидным, даже невинным. Эстер верила, что оказывает услугу, от которой все только в выигрыше. Она и не подозревала, как опасны бывают тайны, а кое-что – или кое-кого – лучше не находить.

Мужчина все говорил и говорил. Эстер следовало прервать его, но что-то в его голосе заставило слушать дальше. Прежде она гордилась умением с первых фраз вычислять психов: их выдавали тембр голоса, ключевые слова. Этот же человек говорил искренне, а еще его звали Чарли. Куда уж честнее? Эстер представила себе его портрет: ровная осанка, короткая ветеранская стрижка. Лет ему, наверное, за тридцать, ближе к сорока – ровесник Эстер – и он стремится загладить небольшую (или крупную) вину.

– Что вам еще надо рассказать? – спросил Чарли.

– Что-что?

– Что еще вам нужно знать, чтобы взяться за дело?

– Ничего.

– Я вам вроде мало рассказал.

Кейт подергала Эстер за рукав.

– Сойок восемь, – прошептала она. – Сойок восемь цветов.

– Молодчина, – шепнула в ответ Эстер. – Я этим больше не занимаюсь, – ответила она затем в трубку. – Завязала. Больше я людей не ищу.

– Но о вас же пишут в сети.

Вот бы найти все сайты, на которых упомянуто ее имя, где рассказывают разные версии ее истории, и все стереть, но таких ресурсов чересчур много. Да и потом, что она вообще знает о Чарли? Неважно, какой он милый сейчас, по телефону, у него наверняка семья, жена и дети, и этим людям даром не нужна грязная правда, которую Эстер может раскопать. Кто она такая, чтобы решать чужую судьбу?

А может, он и вовсе пургу гонит. Хочет найти давно потерянную бывшую и ее нового мужа. Вдруг он уже разжился дробовиком и сотней патронов к нему и колесит теперь по ночам в проржавевшей «Шеви-Нова», ищет их.

– Если вам и правда так надо найти эту женщину, – сказала Эстер, – наймите частного детектива. Я просто библиотекарь. Удачи.

Не давая Чарли возразить, она нажала отбой. Вернула все цветы, кроме синих маргариток, расплатилась за них и, игнорируя протесты Кейт, покинула магазин.

Приоритеты, напомнил себе Рори. Он сделал выбор и все, что в его силах. Он протолкнулся через толпу на пирсе. Было уже хорошо за пять часов вечера, то есть паром задерживался уже больше чем на час. То и дело кто-то окрикивал Рори, кто-то обзывал козлом.

Рори пробился к воротам и спустился на причал, где Зои, новый капитан парома, смотрела на темнеющее небо. Она заняла эту должность, когда уволили Пита, и многие постоянные пассажиры до сих пор удивлялись новому капитану: юной, симпатичной... девушке. Однако Зои умела руководить.

– Если протянем еще дольше, – сказала она, – плыть будет опасно.

– Пит у меня в джипе, – ответил Рори. – Под кайфом.

– А что новенького?

Раньше Зои встречалась с Питом, но, когда тот подсел, постаралась держаться от него как можно дальше. Рори хватило ума не просить помощи у нее. Он прошел до конца пирса и, прикрывая глаза от дождя и брызг, всмотрелся в даль: в канал, оставляя за собой бурлящий след, заходило водное такси. Полиции штата было плевать на правила, они даже не подумали сбавить ход и войти по инерции. Когда лодка подошла ближе, Рори увидел на носу Трея – тот стоял, точно галлюцианная фигура, в новехоньком дождевике. Трей ненавидел Рори, но Рори в Трее нуждался, особенно если хотел все-таки сдать экзамен, и сегодня представилась удобная возможность проявить себя. Трею придется положиться на Рори и его знания об острове и местных, ведь сам Трей, хоть и женат на Лидии, здесь чужой. И всегда будет чужим.

Водитель заглушил мотор почти у самых свай пирса, и Трей вместе с другим детективом и полицейским выпрыгнул на настил. Поднимаясь, на Рори он едва ли взглянул. За Треем шла напарница: детектив с соломенными волнистыми волосами до плеч, в джинсах на эластичном ремне и в практичной обуви. Она уже приезжала на остров, когда пропал Оливер.

– Барб Келли, – представилась она, протягивая руку. – Вы ведь местный помощник шерифа, да? Дентон вроде?

– Данбар, – поправил Рори.

– Я лучше запоминаю лица, – сказала Барб, приглядываясь к нему. – Имена как-то не очень.

Рори уже хотел пожать ей руку, но тут ее согнуло пополам и вырвало.

– всю жизнь жила на побережье, – сказала Барб, утирая желчь с подбородка рукавом, – но к качке так и не привыкла. Господи, надеюсь, сегодня мы больше в море не выйдем.

– Я принесу вам соленых крекеров.

– Да, помню, вы чуткий и компетентный. Два моих любимых качества. Может, догоним лейтенанта?

К комплиентам от других людей Рори не привык.

Барб тем временем направилась к мостку.

– Идемте, – позвала она. – Стоя тут, вы много не сделаете.

На пирсе Трей и полицейский углубились в толпу. Полицейский был невысок, ростом пять футов и шесть дюймов, с густыми песочного цвета волосами, тогда как Трей, напротив, возвышался над всеми. Телосложением он напоминал участника университетской футбольной команды, и прическа у него выглядела так, будто после схода на берег ему сделали укладку. Он вырос в Бар-Харбор, прибрежном городке загородных клубов и яхтсменов, и хотя выглядел щеголем, сам летом в гольф не играл, а подносил клюшки.

– Я задержал паром, – доложил Рори, чувствуя, как в тот же момент улетучивается власть, которой наделил его остров. – Подумал, вы захотите поговорить с пассажирами, пока они не отплыли.

– Борт обыскал? – спросил Трей.

– Я думал, ты сам захочешь это сделать. – Рори еще не договорил, а ему уже захотелось взять слова назад и перестать извиняться. Как ему поддерживать порядок, следить за братом, руководить поисками пропавшего мальчугана и еще обыскивать паром? На такой случай – когда своих сил не хватает – обязанности и диктуют ему вызвать полицию штата, разве нет?

Трей бросил на него злобный взгляд, потом шепнул что-то на ухо Барб. Та глянула на Рори и повела полицейского за собой по трапу на борт парома.

– Горожане собираются в общественном центре, – сообщил Рори. – Некоторые уже отправились на поиски. Если что-то понадобится, я всегда рядом. – И после короткой паузы: – Сэр.

– Где мать? – спросил Трей, заглядывая в блокнот. – Френки Салливан. Ее так зовут, да? Разве не она подняла тревогу?

– Я велел ей сидеть в доме и ждать, вдруг мальчик вернется. Сказал, что придем к ней.

Трей улыбнулся людям, которым не терпелось уплыть.

– Еще немного, и мы вас отпустим, – пообещал он, а после взял Рори под локоть и отвел в сторонку. – Ты задержал этих людей в преддверии урагана, хотя даже тупому видно было, что на причале пропавшего мальчика нет. А еще ты оставил мать мальчишки одну в наркопри-тоне, где она может сотворить что угодно. Может, стоило обратиться в службу опеки несколько недель назад? Большинство детских смертей – на совести самих же родителей. Ты ведь знаешь об этом?

Рори уже хотел сказать что-то в свое оправдание, но Трей перебил его:

– Заткнись. Ни слова не говори. Только хуже сделаешь. Я пошел за матерью.

Рори застыл как вкопанный. Трею и так лишь бы унижить кого-нибудь, но, может, его тон связан с тем, что Рори признался в любви Лидии? Что она успела рассказать мужу?

Трей подался ближе и прошептал:

– Больше не думай, у тебя это плохо получается. Лидия правильно говорит, – добавил он, постучав по виску пальцем, – ты тронутый. Возможно, мне стоит даже пожалеть тебя. Проследь, чтобы паром отбыл, потом приходи в общественный центр – будешь до конца дня следовать моим указаниям. И позволь сделать небольшое предупреждение: если вдруг каким-то чудом ты этой ночью сам отыщешь мальчишку, я за тебя возьмусь. Лидия тебя не спасет. Усек?

У Рори пересохло во рту. С него хватит этих обвинений – что этим вечером, что раньше.

– Не крал я твоего сына, – прошептал он в ответ, схватив Трея за локоть. – Сам знаешь. Ты же стоял тогда рядом со мной на пирсе. Я бы просто не успел незаметно выкрасть Оливера. Брежут все. Это ты в тот день оставил его без присмотра. Не забыл? А я делал свою работу.

– Руки убрал.

Отпускать Трея Рори боялся. Чувствовал, что если разожмет пальцы, то сразу же даст детективу по морде и заработает еще больше неприятностей.

– Данбар!

Барб Келли.

– Шаг назад, – велела она, оглядываясь и проверяя, нет ли свидетелей ссоры. Видя, что Рори не спешит подчиняться, она добавила: – Это приказ.

Рори наконец отпустил Трея, и тот оправил на себе куртку и пригладил волосы.

– Не смей больше прикасаться ко мне, – сказал он. – Иначе пожалеешь. И держись подальше от моей семьи.

Барб с улыбкой помахала женщине, следившей за ними в очереди к парому.

– Топай отсюда, Трей, – прошептала она, не разжимая зубов. – Только хуже делаешь.

Трей развернулся и громко произнес так, чтобы все слышали:

– Отличная работа, – и стал подниматься по холму в город.

– А теперь остыньте, – обратилась Барб к Рори, – и помогите мне найти мальчика.

Пит не нашел лучшего времени, чтобы вылезти из джипа. Он, как зомби, двинулся в сторону толпы, уронив на ходу плед и являя всем свою наготу. Несколько детишек с воплями бросились бежать. Кто-то крикнул Питу, чтобы прикрылся. Барб подняла с земли плед и накинула его на плечи Питу. Потом стрельнула злобным взглядом в Рори и спросила:

– Это еще кто такой?

Рори посмотрел на нее из-под мокрых полей шляпы. Он не знал, что ответить. Как он до такого дожил? Как вышло, что он единственный из всей семьи не сломался?

– Пидор, пидор, гомик, пидор, – бормотал Пит.

– Заткнись, а? – обернулся к брату Рори. – Заткнись, пожалуйста.

Пит, почти не открывая глаз, пошатнулся и чуть не упал лицом вниз. Края пледа трепетали на нем; Рори в этот момент хотелось одного: хоть немного поправить дело. Хотелось вернуться во времени, до этого лета, задолго до Четвертого июля, когда он еще мог просто прийти домой.

– Я позабочусь об этом, – сказал он.

– Ему надо в больницу? – спросила Барб.

– Ему просто надо проспать.

– Он не пьян.

– Нет, пьян, – возразил Рори.

Пита нельзя было везти в больницу. Его же отпустили на поруки.

– Послушайте, – сказала Барб. – Вы знаете, что он принял? На прошлой неделе прибыла партия оксикодона с примесью героина. В Портленде от нее уже с десятков людей скончалось.

– Это не оно, – ответил Рори, уводя Пита к машине. – Не что-то новенькое, во всяком случае.

– Надеюсь. Вам же лучше, обоим, если так.

Глава 6

Эстер опустила маргаритки в вазу, и вода почти моментально окрасилась синим. Вазу Эстер водрузила на середину стола в комнате Моргана. Потом убрала оттуда и поставила на кухонную стойку, затем на стол, на подоконник. Наконец спрятала на холодильник, подальше, лишь бы не видеть.

Кейт сидела у телевизора и смотрела что-то невыносимо веселое, а Эстер пялилась в экран смартфона. Душа требовала приключений, хотя бы метафорических, а что плохого в том, чтобы позвонить человеку, с которым она недавно поговорила? Эстер нашла номер Чарли в журнале вызовов, и ее палец завис над кнопкой вызова. Если она выберется из дома, станет общаться с людьми, попробует разгадать новую тайну, это наверняка поможет исцелиться. Может, дело даже выльется в путешествие в неизвестные края... В этот момент Кейт засмеялась над чем-то, и Эстер ощутила озноб. Холод просачивался в тело. Обволакивал. Вместо того чтобы набрать Чарли, Эстер написала сообщение Моргану:

Ушла с работы пораньше, забрала дите. Так что ты свободен. Увидимся дома.

Еще одна ложь.

Врать становилось все проще.

Эстер отложила телефон на стойку дисплеем вниз, но даже тогда не ощутила покоя, как обычно в последнее время.

Можно загуглить свое имя, и поисковик выдаст ссылки на блоги с прошлогодней историей, в которых рассказывалось об убийствах в разных штатах. Почему люди мусолят одно и то же? Как не поймут, что Эстер Терсби – просто невысокая библиотекарь ростом четыре фута и девять с тремя четвертями дюймов⁹, ей тридцать семь, и она боится окружающего мира? Она не работала с того августовского дня, когда потеряла Кейт на собачьей площадке, а услышав, как захлопнулся багажник машины, выбежала на дорогу. На бегу она кричала на мужчину за рулем бирюзового «Сатурна». Мужчину, который в страхе заблокировал двери, когда она принялась молотить кулачками по окнам и даже метать камни в заднее стекло машины. Затем Эстер позвонила в службу спасения и орала на диспетчера, пока наконец не услышала вдалеке сирену.

Позднее выяснилось, что Кейт забрела в общественный сад, где сидела по-турецки на клумбе с маргаритками. Ее отыскала Вафля и носом принялась тыкаться девочке в щеку, а та отпихивала бассет-хаунда. Происшествие длилось каких-то пять минут. Самое большее, десять. Эстер же показалось, что прошла вечность. И в итоге все, что произошло зимой, что она старательно хоронила в глубине себя, ожило и вернулось.

Наконец она сдалась и загуглила свое имя. Оказалось, она все еще опережает по популярности Эстер Прин¹⁰. Долго это не продлится. Эстер же не знаменитость: может запросто выйти на улицу и прокричать, как ее зовут, – никто и внимания не обратит. Однако в пределах тесного микрокосма – очень шумного, анонимного онлайн-сообщества – она все еще представляла интерес. Члены этого мира писали о том, что она сделала и чего не делала. Ее называли дурной матерью, и тогда хотелось напомнить всем и каждому, что она, вообще-то, даже не мать. Для всех она стала героиней, жертвой и шлюхой, но правда была такова: прошлой зимой, когда Эстер еще занималась поиском пропавших, одна женщина наняла ее отыскать своего брата Сэма, а тот оказался куда опаснее, чем Эстер могла вообразить. Теперь Сэм был мертв, а

⁹ ≈ 150 сантиметров

¹⁰ Героиня романа Натаниэля Готорна «Алая буква» (оригинал. «The Scarlet Letter») (1850 г.), одного из столпов американской литературы.

его друг Гейб отбывал пожизненный срок в федеральной тюрьме в центре Массачусетса. Всю вину – всю, до последней капли – Эстер возлагала на себя. Ей было скучно, хотелось наполнить жизнь историями других людей. Теперь женщины по всей стране хотели Гейба; стремились спасти его, защитить, помочь оправиться, и некоторые думали, что Эстер поможет связаться с ним. Писали ей. Гейб тоже писал. Письма приходили в простых белых конвертах с марками из Девенса¹¹, что в штате Массачусетс. Только Эстер их не вскрывала и сразу складывала в обувную коробку в дальнем конце кладовки. Моргану про них она тоже не говорила. Хватит ли ей когда-нибудь смелости прочесть эти письма или навестить Гейба в тюрьме, посмотреть ему в глаза и простить за то, что он сделал? Прямо сейчас ей не хватало смелости даже оставить Кейт без присмотра или выбрать продукты к ужину в магазине. Шажок за шажком, да?

Она открыла групповой чат и написала:

Сегодня ужин в складчину! Джейми, с тебя торг!

Потом выключила на телефоне звук и спрятала его в карман. С глаз долой, из сердца вон.

– Идем с тетей Эстер, – позвала она Кейт. В ответ племянница насилу оторвалась от экрана и бросила на нее сердитый взгляд. – Ты же вроде видела этот мультик? Пошли.

– Я не Вафля, – возразила Кейт.

– Нет, ты не собака, – согласилась Эстер, нажимая на пульте паузу и протягивая племяннице руку. – Но все равно идем со мной.

Они поднялись наверх и через комнату Моргана вошли в его стенной шкаф, а оттуда через дверь попали в новую комнату. Раньше тут располагалась личная квартира Эстер, ее гнездо высоко над Сомервиллом, за которое она держалась, даже когда с ними стала жить Кейт. Покатый потолок, крохотная кухня, двухместный диванчик, древний телевизор и видеоминифон, грязь и пыль – Эстер приходила сюда и запиралась всякий раз, когда хотела уединиться. Квартира была ее святилищем.

Но в декабре, после похищения, Морган взялся за кувалду и снес стену между квартирами.

А Эстер... Эстер сама попросила его сделать это. Настаивала, что личное пространство, убежище ей больше не нужно. Когда Морган закончил, она вынесла на улицу все личное, оставила коробку с VHS-кассетами у дороги. Сняла со стен кухонные шкафчики и выбросила диван в красно-зеленую клеточку на тротуар, где он, несмотря на объявление в интернете, простоял под дождем два дня, а после его забрал мусоровоз. Стены Эстер выкрасила в белый и постелила бежевые ковры. Финальный мазок на полотно прошлого она нанесла, повесив шторы из «Home Depot»¹². Квартира стала просторной и настолько обычной, насколько могла сделать ее Эстер в стремлении все забыть.

Сейчас из кладовки она достала коробку с письмами от Гейба. Уселась на вершине узкой лестницы и осмелилась вскрыть один конверт. Ковер на полу все еще пах новьем. Жаль, что Морган забрал сегодня Вафлю с собой на работу: лучше бы пёсель семенил всюду за Эстер, норовя забраться к ней на колени.

– Посему ты пласесь? – спросила Кейт, присаживаясь рядышком и смахивая слезинку с щеки Эстер.

Эстер выдавила улыбку.

– Соринка в глаз попала.

Кейт взяла было из коробки конверт, но Эстер выхватила его, будто племянница могла пораниться об него, будто Гейб мог через бумагу дотянуться до нее из тюрьмы и причинить вред. Эстер захлопнула коробку, убрала подальше и написала Чарли:

---

¹¹ Федеральный медицинский центр Девенс – тюрьма в городе Эйер для заключенных, которым требуется долгосрочная медицинская или психиатрическая помощь.

¹² Крупнейшая в Америке сеть магазинов по продаже инструментов и стройматериалов.

Пришлите ее полное имя, номер социального страхования и дату рождения. А еще ваше совместное фото. Посмотрю, что можно сделать.

Как только пришли запрошенные сведения, Эстер за десять минут пробила бывшую Чарли по базам данных. Два года назад женщина перебралась в Мэн, сменила имя и добилась судебного запрета на контакты с неким Дэррилом, который поразительно напоминал «Чарли».

Эстер набрала ему:

Отъебись.

Отключила телефон и больше не включала весь вечер.

К тому времени, как Энни обогнула поворот к сияющему маяку, солнце уже село. Дождь так и хлестал, а тут, на открытом месте, вдоль берега, всюду дул сильный ветер. Волны бились о гранитный пляж, и морская вода начала заполнять бухту, накрывая пристань при маяке. Довольно скоро он, как и большая часть острова, будет отрезан от внешнего мира, и до утра искать пропавшего мальчика станет небезопасно. Скоро время выйдет.

Энни остановилась, вспоминая тот день, когда было намного теплей, чем сегодня, когда приливом нагоняло лишь струйку плотной солоноватой воды из бухты. Стоящие на приколе парусные лодки осели на песчаной отмели, склонив мачты под углом в сорок пять градусов, а послеполуденное солнце палило песок вперемешку с галькой. Энни шла по илу в шортиках и паре старых кроссовок, тонула в грязи, из которой с шипением вырывался сернистый газ. Ярдах в пятидесяти от пляжа она вилами набрала в плетеную корзину бушель¹³ моллюсков. Работала она быстро – штраф за нелегальную добычу устриц был тридцать пять долларов. Астрономическая сумма для Энни.

Набрав крупных раковин, она пошла вброд к берегу, но там уже сверкали голубые огни патрульной машины. Сердце у Энни ушло в пятки. Как он так быстро приехал? Откуда узнал? Энни спрятала корзину за купой прибрежных водорослей, а Рори уже шел к ней, одетый, несмотря на жару, в плотную форму. Он остановился, смерил ее взглядом – присмотрелся к грязным кроссовкам и вилам на песке.

– Ты что, тут весь день? – спросил он.

– Где-то час, – ответила Энни и улыбнулась. Больше ей ничего не оставалось.

И хотя она была на пять лет старше Рори, в ее арсенале еще оставался инструмент под названием красота. Энни верила, что сохранила достаточно от прежней себя и умеет создать видимость здорового, преуспевающего представителя среднего класса.

– Я вас вроде в городе видел, – заметил Рори. – На Дне независимости. Прямо перед тем, как паром чуть не врезался в пристань.

– Я тогда ушла, – ответила Энни. – Не люблю толпу. Никто ведь не пострадал?

– От столкновения – нет. – Рори сдвинул шляпу на затылок и заткнул большие пальцы рук за ремень. По виску у него сбежала капелька пота. – Никого тут больше не видели?

– Здесь только я да чайки.

Рори оглядел горизонт.

– Ну, хоть эти лодки не на плаву, – сказал он, добавив: – В городе пропал мальчик. Фейерверк отменен, как и световое шоу. Полиция штата проверяет все лодки, которые заходят к нам и уходят. Нам нужны все, так что бросайте устриц, переодевайтесь, следуйте за мной и радуйтесь, что я не выписал вам штраф.

Энни накрыло волной облегчения. Рори дождался, пока она выбросит устриц назад в море, а потом повез ее в город, не выключая мигалок и рассказывая, что пропавший мальчик – это Оливер, сын Лидии.

---

¹³ Мера объема сыпучих продуктов и жидкостей. В США – 35,24 литра.

– Это у которой пекарня? – уточнила Энни.
– Ага. Знаете их?
– Не особенно. А ее муж на острове?
– Трей? Да, он здесь. Детишки вечно убегают и теряются. Потеряться тут можно где угодно, верно? – сказал Рори, однако морщины на лице выдавали его тревогу.
– Готова спорить, что ничего страшного, – сказала Энни. – Но буду рада помочь.

– Итан!

Энни тряхнула головой, прогоняя воспоминание. За шумом ветра она расслышала, как кто-то выкрикивает имя мальчика, потом из-за поворота, вспарывая сумрак, показались лучи фонарей, а следом – небольшая группа из четырех человек. Когда они приблизились, Энни вспомнила почти все лица под капюшонами дождевиков, хотя имен этих островитян не знала.

– Есть успехи? – спросила она.
– Нет, – ответила одна женщина. – А ты что тут делаешь?
– Мне надо в дом.

Женщина оглянулась на одного из мужчин в группе.

– В котором живет Итан, – быстро, даже поспешно уточнила Энни. – И я тоже.
– Ну да, ты же одна из этих, – уходя, сказала женщина.

Хотелось закричать, чтобы она знала: Энни – тут, она настоящая, – но сама Энни только молча смотрела вслед исчезающей в лесу группе добровольцев. Когда она стала одной из «этих»? Когда так изменилась? Началось все еще до острова, но с приездом сюда только ухудшилось. Энни снова вспомнила тот день, Четвертое июля. Тогда не надвигался шторм. Тогда не грозила такая опасность.

Когда организовались поисковые группы, Лидия оказалась на передовой. Она стояла рядом с Треем возле общественного центра и твердым голосом описывала людям Оливера, показывала его фото на экране телефона. Для Энни мальчик выглядел как и тысячи других детишек, чьи портреты мелькают на объявлениях о розыске, выделяясь только глазами и веснушками, как у матери.

– У него вьющиеся волосы, – уверенно говорила Лидия. – Гуще, чем у любого четырехлетки. Он был одет в красное с белым и синим. Ему нравятся жуки.

Энни специально записалась в поисковый отряд Лидии, и остаток дня две женщины искали Оливера плечом к плечу, выкрикивали его имя. Часами рыскали в песке, камнях и прибрежных водорослях, пока не начался прилив и бухту не залило. Потом вода отступила; летнее солнце уже садилось, и они вернулись на этот самый неровный берег. Крепло пришедшее вместе с сумерками отчаяние, но тут какой-то мужчина из их группы прокричал со скалистого утеса невдалеке:

– Он здесь! Я нашел его!

Лидия сорвалась с места, молотя воздух руками и оскальзываясь на мокрых камнях. Энни оставалось только бежать следом, но к тому времени, как они были на месте, мужчина понял, что ошибся.

– Простите, – сказал он, бросая бесхозный американский флаг с края скалы, где и нашел его.

В какой-то момент Энни показалось, что Лидия вот-вот сломается. Женщина отделилась от группы и пошла к морю. Ветер дул ей в лицо, трепля волосы, и тогда Энни встала рядом. Набравшись наконец смелости, она заговорила:

– Я понимаю. Знаю, каково это.

Лидия скривилась.

– Да откуда? Откуда тебе знать?

Энни выпрямилась и посмотрела на океан. Там, над горизонтом, завис лунный серп.

– Я дочь потеряла, – едва слышно прошептала она. Говорить этого не хотелось, и Энни уже жалела о сказанном. – Прости. Чего я о себе-то...

В лунном свете глаза Лидии блестели, и Энни не знала, чего ждать: то ли Лидия сейчас взорвется, мол, чего лезешь ко мне, то ли разрыдается. Однако в воздухе между ними словно повисли невысказанные вопросы: что случилось? когда? обошлось? Отвечать на них Энни не хотела. Лучше было, когда люди сами догадывались.

Лидия взяла ее за руку, как старый друг перед лицом взаимной потери, и крепко сжала, впиваясь ногтями в ладонь.

– Ты права. Не надо.

Потом у Лидии зазвонил телефон.

Момент единения прервался. Вместе с поисками.

Звонил Рори – сообщить радостные вести: он нашел Оливера уснувшим на борту яхты в порту. Проснувшись, мальчик поведал историю о шариках, гориллах и о том, как за ним по причалу гнался огромный паук. Как его ни спрашивали, он не мог рассказать, кто похитил его... или что. А позднее, когда Лидия попыталась вытянуть из Энни детали ее истории, она сумела отговориться, сказав:

– Тебе повезло. Просто помни, что у твоей истории счастливый конец.

Налетевший с океана ветер чуть не сбил Энни с ног. Очнувшись, она напонила себе, что те события закончились несколько месяцев назад, и, поправив капюшон, пошла прочь от маяка.

За очередным поворотом начиналась заросшая гравийная тропинка, ведущая в заросли деревьев, а в сотне ярдов от нее, в густых рододендронах, стоял викторианский особняк, ставший Энни на последние три месяца домом. Почти все окна заколотили фанерой, на обшитом вагонкой фасаде еще держались хлопья розовой краски, а то, что некогда, наверное, было роскошной лужайкой, хранило очертания садов. Энни поднялась к двери по краю крыльца, чтобы прогнившие ступени не провалились под ее весом, и окружающая дом веранда приветствовала ее громким скрипом. Энни открыла тяжелую дубовую дверь и вошла в затененную прихожую.

– Ау! – крикнула она в тишину.

В переднем салоне с десятифутовыми потолками, каменным очагом и замусоренным полом дождь лил сквозь прорехи в крыше на широкие половицы, вскрывая секреты дома. Сырой воздух пах пеплом, плесенью и собаками, которые тут давно уже не жили. Обои на стенах – а кто-то любил этот дом, раз выбрал розовые с золотым цветы, – отошли, обнажая штукатурку и деревянные планки там, где висели давно пересохшие масляные светильники. В доме были комнаты, переходящие в другие комнаты, гардеробы на ржавых замках и туалеты со сливным рычагом на цепочке. Воду для них приходилось таскать ведрами из старого колодца во дворе.

Из столовой Энни прошла в кухню, но не успела сделать и нескольких шагов по черно-белому плиточному полу, как ощутила чье-то присутствие. Сглотнув, она обернулась. За длинным столом в догорающем свете сидел мужчина. По темной кленовой столешнице перед ним были разбросаны печеньки из коробки «Butter Nutter»¹⁴.

Энни почти испугалась при виде его, но в этом доме жильцы менялись постоянно: одни приходили, другие уходили; каждый тут занимался чем вздумается – в одиночку или в компании. Как ни хотелось Энни поддаться инстинктам, велевшим бежать, она заставила себя успокоиться. Даже при виде жидких волос до плеч и покрытых татуировками рук мужчины. Даже при виде того, как он, будто дикий зверь, пихал в рот печенья.

– Привет, – сказала Энни так, будто они встречались уже тысячу раз.

---

¹⁴ Сэндвич-печенье в форме арахиса, с прослойкой из арахисового масла.

Но останавливаться не стала, продолжая идти к запасному выходу. Надеюсь добраться до него, убежать.

– Рыжая! – окликнул ее мужчина, поднимаясь и роняя изо рта крошки печенья. Двигался он быстро, быстрее, чем ожидала Энни. – Ты здесь какими судьбами? – спросил он, загородив ей путь.

Он был высокий и худой, в старой концертной футболке. В скудном свете было непонятно, седые у него волосы или просто светлые.

– Портленд, – сказал он, дыша арахисовым маслом. – Я тебя помню. Ты с Эмили тусовалась!

Эмили осталась в другой жизни, в той, что была до острова, когда Энни пару месяцев жила в Портленде. Точнее, существовала. Эмили толкала наркоту и потребляла сама, так что Энни пришлось уйти, и в конце концов она оказалась тут. Она вспомнила и этого патлатого: бездельник, что обносил заброшенные дома на окраине города. Энни как-то видела его на перекрестке – он нес микроволновку обратно в «Walmart». О нем всякое говорили: будто бы он торгует оружием, сутенерствует, продает наркоту, – так что Энни старалась держаться от него подальше. Те же истории она слышала и о других людях, а они бог весть что слышали о ней. В мире без закона и доверия правда имела много личин. Здесь, в доме на острове, ты свою правду творил сам.

– Мир тесен, – ответила Энни. – Скоро здесь будут копы. Ты ведь знаешь, да? Они обыщут дом и всех, кого встретят.

– Точняк, – ответил патлатый, козырнув от виска двумя пальцами. – Спасибо за предупреждение. Надо отыскать племянника. Я Сет, брат Френки. Прибыл на пароме сегодня днем. Раз десять, наверное, прополоскался.

– Где она?

– В буре. С ума сходит. Реально с ума сходит.

– А ты бы как себя вел? На ее-то месте.

– Так и я с ума схожу. Найду сестру, вот только сперва пообедаю. Ну, а раз сюда скоро нагрянут копы, то надо спешить. – Схватив сразу три печенья, он съел их одним махом. – Голодная? – спросил Сет.

Энни покачала головой.

– У меня и другое есть, если тебе надо.

– Не люблю, – отказалась Энни. – Удачи сегодня, – добавила она, направляясь к служебной лестнице. Поднявшись к себе в комнату – чулан с единственным окошком, – она захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, постаралась унять дыхание. В догорающем свете дня уперлась пятками в половицы, а спиной – в плотное дерево. Не важно, что привело сюда этого человека, не важно, насколько Энни покорила судьбе, с Сетом – или как его на самом деле – наедине она не останется.

Никогда.

И только услышав, как хлопнулась дверь черного хода, Энни позволила себе расслабиться. Осела на пол и подползла к матрасу. В июне, когда тут было битком, эта комната, заваленная ящиками и комодами, единственная оставалась свободной. Из самого высокого комода Энни соорудила перегородку, приволокла с чердака матрас в потеках воды и устроила себе спальное место. Сейчас из ящика комода она вынула черный рюкзак, заныкала в кармашек деньги, полученные от Воуна, и достала предоплаченный телефон. Села на матрас спиной к стене и подтянула колени к груди. Аккумулятор на телефоне почти сел, но Энни все же отбила сообщение:

Это я. Я на острове Финистерре в штате Мэн. Приезжай за мной.

Набрала по памяти номер и чуть не нажала кнопку «отправить», как много раз до этого, в надежде, что получатель – наверное, единственный во всем мире, кто тоскует по ней. Но, как и в предыдущие разы, она удалила текст. Так лучше. Энни пока не готова. Пока еще нет. Да и будет ли?

Дверь в спальню открылась.

Окруженная темнотой, Энни ахнула. Шагов она не слышала. Нашарила под матрасом палку и, подсвечивая телефоном, выглянула из-за стены-комода. Оказалось, это Френки – она украдкой протиснулась в дверь.

– Ты меня до смерти напугала, – попеняла Энни соседке.

Френки сделала еще один осторожный шаг, шмыгнула носом и зажгла фонарик. Ей было чуть за двадцать: невысокая и в теле, как девчонки из колледжа, которые кутят ночи напролет. На Френки была все та же пара джинсов, в которых она заселилась в дом. С ее волос цвета помоев капала вода, а от нее самой пахло сыростью и немывтым телом.

– Твой брат приехал, – сообщила Энни.

– Брат? – хрипло переспросила Френки.

– Сет.

– А, мы уже виделись.

– Я тебе так сочувствую, милая, – сказала Энни. Френки она почти не знала, и за все время, что они прожили под одной крышей, они едва ли перекинулись парой фраз, но «милая» звучало как нельзя уместно. – Уверена, все образуется.

Френки утерла нос тыльной стороной кулака. Энни и рада была бы предложить ей салфетку, но самое лучшее, что было у нее в распоряжении, это собственные рукава.

– Он временами такой засранец, – сказала Френки. – Я про Итана. Заблудился, поди. Или спрятался где-нибудь. Думает, что это прикольно. Я заглянула в колодец... – Она не договорила, запустив руку в карман. Достала две таблетки, раскрошила их ложкой, разделила пудру на дорожки и вдохнула одну. – Это окси, – сказала она с намеком, как бы предлагая угоститься. Грусть в ее глазах уже притупилась.

Энни покачала головой, и тогда Френки вдохнула вторую дорожку. Не спрашивая разрешения, скользнула на матрас рядом с Энни.

– Коп велел мне сидеть тут и ждать.

– Трей? – уточнила Энни.

– Трей, – тихо подтвердила Френки, улыбаясь.

– Ты его знаешь?

– Мы все знаем Трея.

– Он тут бывал?

– Не он. Другой.

– Рори, что ли?

– Он добрый, – сказала Френки, но Энни в это верилось с трудом. Рори наезжал на нее с того самого дня, как она сюда приехала, а еще он, как подозревала Энни, хотел бы, чтобы обитатели особняка убралась восвояси. Впрочем, на его месте она хотела бы того же.

– Он рассказывал, как раньше гулял по всему острову, – продолжала Френки, – и возвращался домой поздно ночью. Хотел успокоить. Но он не понимает.

– Ну, в городе развернули полномасштабную операцию, – сказала Энни, внезапно увидев во Френки мать и ощутив вину. – Теперь Рори точно тебя понимает.

Буря снаружи усилилась, кружа вихрями вокруг дома; дождевые капли молотили по крыше. Однако сквозь шум Энни расслышала, как внизу что-то упало. Погладив Френки по сальным патлам, она сказала:

– А вот и копы. Посиди тут, я спущусь и гляну. Лучше избавься от всего, чего им не стоит при тебе находить. И еще, говори им все, что знаешь. Ложь только навредит.

– У меня секретов нет, – пробормотала Френки.

– Тайны есть у всех. Копы их рано или поздно узнают. – Прихватив палку, Энни спустилась вниз. Позвала в темноту: – Кто тут?

В передней, ударив по глазам, вспыхнул яркий свет, но Энни не стала показывать страх и просто заслонила рукой.

– Кто тут? – снова спросила она и наконец разглядела знакомый силуэт Трея.

Энни чуть не выругалась. С тех пор как Трей вернулся с материка, она его еще не видела. Он наконец погасил фонарь, и комната погрузилась в кромешную тьму.

– Торопись! – неожиданно близко прошептал Трей. – Собралась куда-то?

Он обыскал Энни. Он был из тех, кто упивается властью, пуская ее в ход при любой возможности.

– Я слышала, как кто-то пришел, – сказала Энни. – Спустилась посмотреть.

– Где мамаша?

– Наверху. Дай ей немного времени, – попросила Энни, вспомнив о таблетках, которые вынюхала Френки, и решив оказать соседке хотя бы малую услугу. – Она пока не в состоянии ни с кем говорить.

– Пока все ищут ее сына?

– Ты понятия не имеешь, каково это, потерять ребенка, – сказала Энни и даже в темноте увидела, как Трей прожигает ее взглядом. Он все же знал. Оливер ведь и его ребенок.

– Вот что я тебе скажу, – произнес Трей. – Не все родители в такой ситуации спешат заторчать. – Он снова зажег фонарь и провел лучом света по замусоренному полу. – Не представляю, как тут вообще можно жить?

Энни промолчала. Согласившись, она унизила бы.

– Ну ладно, – спустя секунду произнес Трей. – Скажи, ты знаешь Френки? Знала ее в Портленде?

– Может, видела где-нибудь, но знакомы мы не были.

– Как она тогда нашла этот дом?

– Так же, как и я. Кто-то в городе подсказал. Это же не тайна какая-нибудь.

– Да уж, – согласился Трей. Привалился спиной к стене и сполз на пол. Похлопал по доскам рядом с собой.

Энни поняла намек, и тут, в этом доме, по уму, ей следовало бы принять приглашение. Но только не сейчас. Это было бы неверно.

– Мы не одни, – напомнила она.

– Разве Френки не упоролась?

Трей потянулся к Энни и едва коснулся ее, но она шарахнулась, как от удара током. Отошла к лестнице.

– Пойду приведу ее, – сказала она, обернувшись.

Поднялась, пробежала по коридору, спустилась по служебной лестнице в кухню, где еле открыла подтопленную дверь черного хода. Выскользнула через узкую щель в ночь. К тому времени глаза уже привыкли к темноте, и она сумела отыскать путь через заросли деревьев. Трей окликнул ее, но ветер унес его слова. Энни бежала. По дорожке. К пляжу. К маяку. Время еще оставалось.

Впереди раскинулся берег: каменистые утесы и острые скалы. Вода в бухте бурлила, волны бились о неровный гранит, круто уходящий вниз, а посреди шторма горел свет маяка. Энни опоздала. Перешеек исчез под темными водами. Слышно было, как Трей завел двигатель пикапа, скользнули по земле лучи фар. Тогда Энни бросилась к скалам. Вода проникала под дождевик, а в это время где-то позади остановилась машина, хлопнула дверь.

Порывом ветра Энни чуть не сбило с ног.

На берегу вспыхнула и запрыгала точка света – это Трей зажег налобный фонарик и бежал к Энни. Тогда она устремилась дальше, по облепленным рачками валунам, пока не оказалась на пляже. О берег бились пяти- и шестифутовые волны. Вода набегала на песчаный берег и лизала ноги Энни, как бы пытаясь засосать ее в море. А где-то там, в темноте, был Трей.

Энни знала это место. Приходила сюда ночами в поисках мидий и устриц, когда голодный желудок не давал уснуть. Сейчас, перепрыгивая с камня на камень, она вообразила, как летним днем здесь строят песочные замки Френки с Итаном, как к ним подбирается прилив.

Энни сбило волной. Кругом грохотала вода, а ее руки увязли в холодном песке, таявшем как карамель. Промокнув насквозь, Энни через силу проползла вперед, заставила себя встать и отступить. В этот момент появился Трей.

– Энни!

Она почти слышала его запах: сандаловое дерево, табак, нотка корицы.

Нельзя было оставаться с Треем наедине. Только не сейчас.

Вот он прошел мимо ее укрытия, и она проделала остаток пути по тропинке. Подкралась к краю утеса и свесилась с него, ища опору для ног. В расщелину в этот момент с ревом хлынула ледяная вода. Сдирая руки об острые раковины рачков, Энни повисла, подождала, пока вода схлынет, и спустилась еще на пару футов. Но вот накатила еще волна, и в этот раз Энни оказалась под водой. От холода легкие в груди чуть не лопнули. Наконец Энни, глотая соленые брызги, отдышалась. За спиной у нее мерцал маяк. Энни представила, как разжимает пальцы, отдаваясь волне, как уносится с ней в океан, и вода заполняет легкие, разбивает ее тело о камни. Наступят ли тогда мир, тишина и покой? Энни вообразила день, не наполненный сожалениями... Нет, бороться она не перестанет, никогда. Будет, несмотря ни на что, цепляться за любую надежду.

В этот миг ее схватили за запястье и дюйм за дюймом втащили обратно на утес. Трей откатился в сторону, увлекая Энни за собой, и она растянулась на нем. Закашлялась, выплевывая воду. Потом слезла с Трея, встала на четвереньки и кашляла до изнеможения, а после рухнула на спину. На лицо, смывая соль, попадая на губы и в рот, падали дождевые капли, и Энни глотала их с благодарностью. Она была благодарна не за то, что спаслась, а просто за то, что жива.

– Энни, Энни, ты как?

Энни посмотрела в глаза Трею: тот смеялся. И правда, Анной же зовут манекен для отработки искусственного дыхания¹⁵.

– Заткнись, – ответила она.

Трей лег рядом, лицом кверху.

– Какого хрена ты творишь? Чего побежала-то?

– Не хотела, чтобы Френки нас видела. А еще про Лидию подумала. Она моя лучшая подруга.

– Лучшая? – спросил Трей, подкатываясь ближе.

Свет фонарика слепил, но даже с закрытыми глазами Энни узнала прикосновение Трея, когда тот погладил ее по щеке. Теперь она могла стать другой – веселой, доброй и открытой Энни. Какой всегда хотела быть. В отличие от Лидии и Воуна, Энни понимала: неважно, где ты живешь, люди за тобой всюду следят и делают выводы. И если расслабиться, можно позабыть свою легенду, запутаться в собственной лжи. Однако здесь и сейчас, посреди бури и под покровом ночи, она ощущала себя в безопасности. Наконец. А маяк и до завтра подождет.

---

¹⁵ «Воскреси Анну» («Resuscí Anne») – манекен-тренажер для отработки сердечно-легочной реанимации, «самая целуемая девушка в мире». Создан в 1958 году норвежским кукольным мастером Асмудом Лаердалом по заказу австрийского врача Петера Сафара.

Энни погасила фонарь и глубоко поцеловала Трея. Ощутила себя как тогда, в первый раз. Первый раз с Треем... да с кем угодно.

Но первым этот раз, конечно же, не был.

Глава 7

– Дорогая, – обратилась Прачи к Эстер, снимая с холодильника вазу с маргаритками, – эти цветы!.. Они просто ужасны!

– Заткнись, – ответила Эстер, глядя, как Прачи молча достает цветы из посиневшей воды и ножницами обрезает стебли.

Каждое движение – как обвинительный приговор. Прачи, на которой и трико с футболкой «Burger King» смотрелось изящно, просто не смогла удержаться.

– Поставь туда, где считаешь уместным, – попросила Эстер. В этот момент у нее завибрировал сотовый – пришло сообщение от Вэнди Ричардс, которая извинялась, что не сможет прийти: «Появилось одно дело! Простите!»

С Вэнди Эстер познакомилась, когда ее наняли отыскать Сэма Блейна. Вэнди была богата, из видной семьи с Бикон-Хилл, и она помогла Эстер пройти через безумие, разразившееся в СМИ после гибели Сэма. Правда, со временем Вэнди стала редким гостем, а значит, время их дружбы, скорее всего, миновало. И правда, сколько можно обсуждать, каково это встречаться с серийным убийцей? К тому же с прошлой зимы известность Вэнди только выросла, и у нее на пятничный вечер наверняка имелись планы получше, чем ужин в складчину на кухне второго этажа квартиры Моргана. Эстер показала сообщение Прачи, которая как раз закончила подрезать цветы.

– Двигается дальше, – сказала та. – Забывает.

– Жаль, не всем это дается так же легко.

– Только скажи, если я могу как-то помочь, – ответила Прачи, наполняя вазу свежей водой и позволяя повиснуть неловкой тишине.

Эстер рывком открыла ящик со столовым серебром и выгребла оттуда приборы.

Остальные гости собрались в гостиной-студии. Пришли все друзья Эстер и Моргана – кроме разве что Вэнди Ричардс, итого пять человек. Прачи, которая вместе с Эстер и Дафной училась в Уэллсли, и ее супруга Джейн. Джейн была высокой блондинкой, которая несколько часов в неделю преподавала йогу, и чем меньше Эстер говорила с этой парой о деньгах, тем лучше они ладили. Пришла, конечно, и Анджела Уайт. Зимой она, детектив из бостонской полиции, возглавила расследование убийств, связанных с Сэмом и Гейбом, и тогда же подружилась с Морганом. Теперь эти двое почти каждое воскресенье устраивались у телевизора и смотрели спортивные программы. Ее жена, Кэри, была тихой, задумчивой афроамериканкой, соработницей из Христианского союза молодых женщин в Саут-Энде, а ее шестилетний сын Исайя как-то умудрялся терпеть Кейт, которая всюду следовала за ним по пятам. Из гостиной в кухню протиснулась борзая Прачи по кличке О'Кифи, а следом за ней и Вафля.

Последним пришел Джейми Уильямс. Он зашел в квартиру, как к себе домой, с розовой коробкой из пекарни «У Линделла» в огромных ручищах, от чего та казалась крохотной, как и маленькая белая собачонка по кличке Бутч, семенящая следом. Джейми поселился в квартире на первом этаже, где раньше жила Дафна, сразу как выписался из больницы, куда угодил с пулевым ранением. Ранением, за которое Эстер по-прежнему винила себя. Теперь же почти каждый вечер Джейми поднимался к Моргану и ужинал с ними, обычно оставаясь еще и на посиделки.

Эстер приняла у него коробку, приподнялась на цыпочках и поцеловала в щеку.

– Спасибо, – сказала она.

Джейми ответил не сразу. Он всегда медлил с ответом, на который ему требовалось время.

– Да... это так... пустяки.

– Дождь идет?

– Слабый.

– Вот вам и буря, называется, – сказала Эстер. Ураган все-таки сменил курс и двинулся в сторону моря, к штату Мэн, ответив на все предосторожности и панику лишь неравномерными дождями да порывами ветра.

– Джейми, красавчик! – приветствовал его Морган. – Пивка?

Джейми достал себе из холодильника две бутылки светлого пива «Jack's Abby».

– Красивые... цветы, – заметил он и направился в гостиную к Моргану.

– Народу больше, чем год назад, – сказала Прачи. – Есть новости от Записки?

– Как думаешь, где она? – спросила Эстер.

– Кто ж ее знает... Дафна – такая Дафна, – сказала Прачи, нежно потрепав Эстер по плечу.

Все пятнадцать лет, прошедшие с момента, как они втроем окончили Уэллсли, между Прачи и Дафной царил хрупкий мир, гарантией которого была только Эстер, а той иногда казалось, что Прачи даже рада исчезновению Дафны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.